

Вологодский ЛИТЕРАТОР

№ 1-2(13-14), март 2016 Издание Вологодского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России»

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

Николай Рубцов о поэзии

ПОЭТАМИ не являются те авторы, которые создают в стихах абстрактные понятия или образы прекрасного. Поэты – носители и выразители поэзии, существующей в самой жизни – в чувствах, мыслях, настроениях людей, в картинах природы и быта. Достаточно порой просто хорошо чувствовать и понимать поэзию (коротко говоря, прекрасное) в сложных явлениях жизни, в сложном поведении людей, чтобы определить поэта, встретившись с ним и еще не зная его стихов.

...Конечно, наиболее полный и подлинный образ поэта раскрывается в его стихах. Вообще, надо сказать о том, что плодотворный путь поэзии один: через личное к общему, т.е. путь через личные, глубоко индивидуальные переживания, настроения, раздумья. Совершенно необходимо только, чтобы все это личное по природе своей было общественно масштабным, характерным. Это значит, что переживания должны быть действительно глубокими, мысли – действительно

яркими. Только на этой почве произрастают цветы поэзии. К сожалению, они, как подснежники, еще бывают занесены холодным снегом декларативности, рационализма, юродства разной масти. И надо, видимо, хорошенько разбираться в сложнейших явлениях литературы, чтобы не потерять, как говорится, свою голову...

Органичность выражения, сложность и глубина содержания, совершенство и простота формы, общественная масштабность поэзии – вот те подснежники, которые ищут все поэты.

...К сожалению, то же самое стремление автора во что бы то ни стало говорить только метафорами, сравнениями и т.п. (не имея при этом порой основания для написания стихотворения) приводят иногда к такой перегруженности образами стихов, что понять в них что-либо бывает почти невозможно. Стихи бывают доведены до абсурда.

...Мало создать какие-либо отдельные образы, из которых состоит стихотворение, надо еще соединить их так органично, так совершенно, чтобы

стихотворение можно было читать наизусть полностью друзьям и знакомым, не спотыкаясь ни на одной строке, ни на одном слове. Чтобы стихотворение было так прочно устроено, как, допустим, корабль...

...Первой общей чертой большинства стихотворений, обращающей на себя внимание, является отсутствие признаков глубоко поэтического восприятия окружающих явлений, а значит, и слабо выраженное чувство поэтического образа. В этом как раз и кроется основная причина того, что стихи не удаются и не имеют никакого эстетического значения.

...Задача многих наших авторов заключается в том, чтобы настойчиво учиться создавать поэтический образ, чтобы приближаться к максимальной ясности выражения мысли в ее образном виде, чтобы овладеть формой стиха и вообще повышать культуру поэтической речи. Каждому любящему поэзию необходимо знать, что и поэзия любит, но любит она только тех, кто всегда любит и трудолюбив.

СТИХИ

Стихи из дома гонят нас,
Как будто вьюга воет, воет
На отопленье паровое,
На электричество и газ!

Скажите, знаете ли вы
О вьюгах что-нибудь такое:
Кто может их заставить вить?
Кто может их остановить,
Когда захочется покоя?

А утром солнышко взойдет, –
Кто может средство отыскать,
Чтоб задержать его восход?
Остановить его закат?

Вот так поэзия, она
Звенит – её не остановишь!
А замолчит – напрасно стонешь!
Она незрима и вольна.

Прославит нас или унизит,
Но всё равно возьмёт своё!
И не она от нас зависит,
А мы зависим от неё...

Николай Рубцов,
1965 г.

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ. XXI ВЕК

Александр БОБРОВ
(г. Москва),

секретарь Союза писателей России,
обладатель Большой золотой
Пушкинской медали
творческих союзов России

РОДСТВО И ТЬМА

О духовном кризисе «новых» людей

За Вологду, землю родную,
Я снова стакан подниму!
И снова тебя поцелую,
И снова отправлюсь во тьму...
Николай Рубцов

ВОЛОГОДСКАЯ земля одна из моих любимейших и благодатных. Здесь я открывал красоты Русского Севера, собирал частушки для фольклорных сборников, путешествовал с армейским другом по Московской области до Белозерска, находя впечатления для книги «Белая дорога», и сердцем выпевал лучшую свою песню – «Теребили бабы лён». Всех поэтов я тут знал, многих ценил и первую же редакционную командировку выпросил в Вологду. Мне было радостно недавно узнать, что в Вологде решили поставить памятник Анатолию Дрыгину – самозабвенному труженику, фронтовику, который с 1961 по

1985 год занимал должность первого секретаря Вологодского обкома КПСС. Под его руководством произошли разительные преобразования на этой земле – от строительства Череповецкого металлургического комбината, который приносит сегодня миллиардные доходы, до уникальной программы по строительству жилья, которое было бесплатным и писателям тоже давалось. Именем Дрыгина названа площадь в Вологде, а можно было, как это ни странно звучит, и писательскую организацию назвать его партийным именем. Он любил литературу и по мере сил поддерживал литераторов. Кстати, именно он дал согласие (а значит, и достойную квартиру!) на приглашение в Вологду Виктора Астафьева на взлёте славы этого самобытного и непростого человека. Я возглавил отдел поэзии в «Лите-

ратурной России» и приехал в Вологду с частным визитом, так сказать, не один («И снова тебя поцелую»), но, конечно, хотелось познакомиться с поэтами, с руководителем организации Виктором Коротаевым. Пообщались задумчиво («За Вологду, землю родную»), съездили в деревню к поэту-пастуху Олегу Кванину. Не надо уже никаких официальных визитов, но Анатолий Семёнович услышал от Коротаева, что в областном центре – корреспондент «Литроссии» и сам предложил встретиться, поговорить о культурной программе области, о книгах и поддержке писателей. Вот что для меня называется государственной политикой в сфере литературы, а не чиновничьи указания и популистские встречи вроде Всероссийского писательского собрания. Пообещал президент Путин и его советник Владимир Толстой создать Фонд поддержки литературы, например. Где ж он? Наверное, министр Силуанов против...

А умная политика в этой тонкой духовной сфере просто необходима, в чём ещё раз меня убедил скандал на Вологодчине. С чего всё началось? В минувшем Году литературы Администрация города Вологды предложила издать 4-й выпуск альманаха «Литературная Вологда» из произведений местных авторов. Договорились предварительно, что редактором будет прозаик Александр Александрович Цыганов, которого я помню по совещанию молодых писателей, куда мы приехали для руководства семинарами с покойным Семёном Шуртаковым. Решили на правлении СП, что в него

войдут тексты лучших авторов из Союза писателей России и из Союза российских писателей. Нормально. Однако потом власть (так всегда говорят, когда не хотят называть конкретного чиновника) переиграла и назначила редактором Сергея Баранова, литературоведа, не имевшего опыта составления подобных сборников, но отличившегося в свое время тем, что его «команда» не включила в Собрание сочинений В.И. Белова многие тексты, показавшиеся С.Ю. Баранову «неполиткорректными». В частности, едкую статью классика «Вологодские соросята». Так что позиция – ясна. Члены правления Вологодской организации СП России не согласились с назначением, но их обозвали ретроградами, принялись ваять сборник, который вышел на бюджетные деньги. Тогда отеснённые старожилы отказались участвовать в однобоком сборнике и выпустили свой – на народные, собранные с миру по нитке средства (от администрации, внесшей раскол, не было получено ни копейки). В этот сборник вошли лучшие писатели Вологодчины – О. Фокина, С. Багров, С. Алексеев, Р. Балакшин, М. Карачев, В. Бараков и др. Издание было представлено на Беловских чтениях, где с приветственным словом выступили Ст. Куняев и Вл. Крупин, поступило в 42 школы Вологды и в 20 библиотек. После этого два альманаха должны были зажечь своей литературной жизнью, но в ней всё явственней, даже на северных просторах, дуют гнилые политиканские ветра. Критик Виктор Бараков, доктор филологических наук, профес-

сор, член Совета по критике при Союзе писателей России, который постоянно выступает в «Российском писателе», написал резкую, но совершенно корректную рецензию «Видя за собой пустоту...», которая была опубликована в газете «Вологодский литератор». Перед статьёй была помещена врезка от редакции с разъяснением положения дел в вологодской прозе и поэзии. А то, что грянуло потом – горше всего говорит о сегодняшних нравах альтернативной, либеральной, «продвинутой» (или какой там ещё?) литературы. Конечно, они хотели бы, чтобы её назвали «новой или молодой», но язык не поворачивается написать так про самого активного и беспардонного её представителя – Антона Черного, который находится в возрасте ухода из жизни Коли Рубцова. Он лишь два года проучился на филфаке, потом – незнамо где, но уже считает себя «коллегой профессора», тшится публично обличать в местной газете «Премьер» (исконно «вологодское» название!), написав открытое письмо Виктору Баракову, вроде как автору статьи, но вдруг начал сводить кухонные, просто непонятные стороннему читателю счёты: «Уважаемый Виктор Николаевич, дорогой коллега! Ваша газета «Вологодский литератор» в последнем номере (12/2015) превзошла себя. И не то удивительно, что бывший губернатор до сих пор даёт вам деньги на её печать, а то, что взрослые люди с учёными степенями могут всерьёз такое писать... Я осведомлён о вашей эрудиции и аналитических способностях.

• Окончание на 2-й стр.

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ. XXI ВЕК

РОДСТВО И ТЬМА

• **Окончание. Начало на 1-й стр.** Вашу диссертацию о почвенниках я прочёл еще в далекие школьные годы, какое-то время в нашем классе с «литературным уклоном» вы вели спецкурс, где открыли для нас мир толстых журналов и современной словесности. Вы тогда ещё были молоды, носили смешные усы и готовились стать самым молодым доктором наук в институте, а я был совсем мальчишкой. Шли годы. У меня уже начала сесть борода, вы поседели совсем. За это время вологодская литература стала интересным явлением: журналы, фестивали, авторы, книги, события. Всё это получилось не само, а трудом множества людей, убеждённых, что Вологда должна стать центром появления новых идей. Наконец, в «год литературы» наш родной филологический факультет и городские власти решили представить писателей-воложан, старых и новых, как единое явление культуры и издали «Вологодский альманах». Под одной обложкой в нем оказались самые разные авторы...

В своё время многие критики, помню, даже стали писать о «вологодской школе» как особом явлении почвеннической, истинно народной литературы. Им возражали: просто авторы собрались блистательные, что поэты, что прозаики, которые гремят на всю Россию новыми произведениями. Но, оказывается, только усилиями Чёрного и Ко «вологодская литература стала интересным явлением». Правда, я нынешних и не слышал! А ещё «Вологда должна стать центром появления новых идей», к тому же вдруг в альманахе решили представить авторов не хороших и разных, а «старых и новых». Так и брызжет Антон желчью и непонятной «новизной» хоть в письме, хоть в собственных стихах. Его поздняя книжка называется «Зелёное ведро». Вот заглавное стихотворение — эпатажное, конечно:

*Стоит зеленое ведро.
В ведре лежит Гагарин:
Орденосец и герой,
Просто советский парень.*

Оказывается, речь идёт об останках разбившегося любимца России и всей Земли.

*Лежат ребро, скула и бровь,
Как жуткие детали...*

Да, детали и впрямь жуткие, где бровь невозможно себе представить, но ясно, что она нужна для рифмы «кровь». Никакой новизны в этих омерзительных стихах нет! О чужих произведениях, о статье Баракова он судит столь же кощунственно. «В принципе, картина складывалась довольно ясная: вот вологодская литература, а вот ее более консервативное ответвление, сосредоточенное в отдельной книге. Но вам показалось мало. Вы взяли в руку критиканский карандаш и начали в своей статье глумиться над первым изданием так, словно разбираете постулаты классового врага или толкуете еретический апокриф. Как филолога и профессионального редактора меня покорило буквально от каждой вашей строчки». А я прочитал Баракова и со многим согласился — нормальная критическая статья. Коснусь как

профессиональный филолог и опытный редактор некоторых процитированных строк. Например, Галины Макаровой:

*Не надо мне ни шляпки,
ни модного платья —
Могла бы лишь вволю
бумагу марать я.*

Конечно, критик прав: это графомания, да ещё какая-то мешанская, со слониками на комод... А вот эти строки Натальи Адлер и меня возмутили. Автор благодарит деревню Петряево — родину и приют выдающегося лирика, моего полного тезки и друга Александра Александровича Романова за поэтический праздник:

*За доброе радушие,
За деревенский пир,
За то, что не разрушен
Твой уникальный мир.*

Тьфу, читать эти приплясывающие строки противно! Ну, пригласили тебя, начинающую — так не пируй, а прочитай самого Романова, подумай, как надо пронзительно писать, и смекни, что деревенский мир («уникальный» — нашла же газетное слово!) разрушен, увы. Как мог редактор оставить эту чушь? Конечно, опытный критик имеет право вынести свои суждения на полосах писательской газеты. Но в ответ раздалась хула, а не литературная полемика, какие-то коридорные склоки: «Ведь в одном кабинете с вами на кафедре сидят те самые люди, что трудились над этой книгой и ждали в ответ если не похвалы, то вдумчивого разговора. Как вы будете теперь с ними разговаривать, улыбаться, подавать им руку? Батюшки-светы! — и покритиковать детище однокабинетника нельзя — что стало с литературными нравами? А дальше вообще политические обвинения: «Причина вашего странного «перерождения», как мне кажется, изложена вами же в заметке, где вы отчаянно громите Союз российских писателей — словно с трибуны РАППа или с церковной кафедры. Вам не дает покою, что тот убогий национал-социализм, которым вы торгуете в дверях (! — А. Б.) своего кружка, не вдохновляет русских людей, так что кроме «патриотично» настроенного чиновничества его и предложить-то уже некому». За бездоказательное обвинение в национал-социализме вообще можно и в суде ответить, но у нас либералы и обвинители в «русском фашизме» сыплют ярлыками подло и на пустом месте. А сколько демагогии и дутого пафоса — читать стыдно: «Пока мы с коллегами обсуждаем, как донести литературу до читателя в цифровом веке (и уже доносим), вы собираете очередное политбюро. Как историк литературы XX века, я думаю, вы уже понимаете, что время советской «санкционированной культуры» прошло, что теперь придется меряться силушкой по гамбургскому счёту, по делам и большим идеям, а не по степени благоволения начальства». Так ведь «историк литературы XX века» (ох ты!) сами сборник с вышеприведённым барахлом издали на деньги начальства! Но «доноситель» Чёрный чернит дальше: «Вы не воспитали себе смены.

Вы даже сами в большинстве своём уже ничего не пишете. Это один из парадоксов старой вологодской литературы». А у новой парадоксальной есть будущее? Прочитал стихотворение Чёрного о себе самом (он переводчик немецкой литературы), которое висит в цифровом пространстве как его визитная карточка и засомневался:

*У тебя изломанный зуб коренной
и набитый немецкими книгами
дом,
И жена, как другая страна,
граничит с тобой бедром,
Когда ты отходишь ко сну,
нажимаешь: мобильник —
будильник — на семь,
И лепечет с иконы Иисус:
кто тут спрятался? я тебя съем...*

У него ко всем — от Иисуса (с одним «и») до классиков — совершенно нет пьетета, это признак «новизны», должно быть. Вот как он отметил на сайте «Бизнес и власть» выход первого номера «Вологодского литератора»: «Не вологодский и не литератор». Он считает это каламбуром, а нормальный читатель — глупостью и злопахательством. Сам же пишет: «Первую полосу занимают несколько материалов. Во-первых, «Заветы Белова», отрывки из его интервью 13-летней давности. Затем стихи Рубцова про зеленые цветы. И наконец, глубокомысленная заметка «Вологодские писатели и современность»...». Чего ж тут не вологодского? Особенно характеризует автора пасквиля упоминание антологического стихотворения: «стишок Рубцова про зелёные цветы». Сколько пренебрежения, будто сам он может написать хоть что-то близкое к этому... Зато он получил какую-то прилагательную похвалу от другого автора альманаха — Александра Быкова (ох, ещё один отвязный Быков!): «Антошка — активный член демократического крыла местных писателей, но есть и другое крыло, консервативно-посконное. Они даже свою газету выпускают «Посконный литератор». Собралось три десятка пенсионеров и сидят друг напротив друга — раздувают щеки от чувства собственной значимости, а на выходе — «старые песни о главном». То ли дело молодые демократы пера! Они и фестиваль организуют, и встречи с читающей публикой, даже дом для себя у власти отбили — литературная гостиня называется». Каков слог! — его и оскорбительным назвать нельзя, скорее — диагностическим. Ну, отбили, фестивали собирают, своеобразных гостей из Москвы приглашают. Вот Алексей Кубрик — поэт и филолог приехал, озадачил слушателей на речке Вологде:

*Вечер русского междуречья
дожевала кремлевская вша.
Даже снег оказался предтечей
тех, кто будет дышать не дыша.*

О чём эти филологические игры в русском междуречье, какая вша жуёт вечер в Кремле или в отбитом доме?

Газета «Премьер», поняв, что переборщила с открытым письмом «демократического крыла», решила дать слово и другой стороне, задала вопросы Баракову. Он спокойно ответил: «Меня удивила бурная реакция на рецензию «Вологодского альманаха», — уже вторую неделю подряд мне звонят и пишут преподаватели нашего университета, учителя, писатели, литературные критики, библиотекари, простые

читатели, — благодарят за статью и просят экзemplяры газеты. Не понимаю, о какой агрессивности идет речь. В рецензии, если внимательно её читать, не сказано ни слова о Вологодском отделении Союза российских писателей, в ней говорится о творчестве авторов альманаха, а среди них есть и литераторы из разных союзов, а также самостоятельные и начинающие писатели... К сожалению, отклики А. Чёрного и А. Быкова на рецензию написаны в ином тоне, — в них оцениваются моя биография, личность, даже внешность (впрочем, я благодарен моим оппонентам за рекламу)».

Самое страшное, что издавна хрестоматия современной литературы для средних школ Вологодчины, составленная тем же С. Ю. Барановым из «произведений», упомянутых Быкова, Чёрного и компании («Учебная литература», 2015 год). Написано, что «в книгу включены произведения, которые будут близки и понятны подросткам. Кстати, в старших классах стандартами образования не предусмотрено изучение текстов вологодских авторов, но педагоги считают это упущением и все же знакомят ребят с современной ситуацией в вологодской литературе». А что подростки понимают в такой ситуации? Всегда ратовал за хрестоматию родной, местной литературы, но тут убеждён, что люди такого нравственного да и филологического уровня не могут создать ничего достойного и приемлемого для юношества! Смешно и поздно этих седеющих ребят урезонивать: им ведь хочется скандалов, обличений, переходящих в оскорбления — это сегодня стиль такой, жажда утвердиться на оплывавании предшественников. Сие с самого верха идёт — проиграла всё на украинском направлении, кризис душит, нелады творятся на постсоветском пространстве — это Ленин бомбу подложил со своим федеративным устройством. Ну а здесь 30 пенсионеров-писателей во всём виноваты? Долгую жизнь прожил я в литературе, был самым молодым студентом Литинститута, потом самым молодым заведующим отделом поэзии среди литературных изданий, ездил по стране и выступал с классиками русской советской литературы, в том числе и вологодской — ну, ни капли у меня претензий и неуважения к ним не таилось: вот, мол, замшели, исписались, не дают дорогу талантам. Что же случилось за последние четверть века, люди добрые, коллеги, не потерявшие чувства преемственности и благодарности к тем, кто торил и для нас пути? Просто не понимаю...

P. S. Вместо послесловия.

Ольга Фокина (Из интервью журналу «Русский Север» 2015)

С молодыми авторами, в частности, с поэтами, вы знакомы?

— На слуху **Ната Сучкова, Маркова Мария, Антон Черный, Мария Суворова. Недавно прочитала сборник Антона Черного. Называется «Зеленое ведро». Знаете, что удивительно? Никакого просвета в жизни Антон, по-моему, не видит. Я не готова воспринимать такие вещи. Для меня поэзия — это действительно приближение к Богу, поскольку поэты — посланники Бога на земле. От поэзии должна быть какая-то благодать. Мы должны идти к читателю с чем-то хорошим и добрым. Я не понимаю, когда оскверняют слово, когда в стихах нет логики. Как будто авторы никогда не читали ни Лермонтова, ни Некрасова, ни Пушкина и творят какую-то свою литературу. Зачем какое-то фасеточное зрение? Для меня это абсолютно чудно. По-этому я не понимаю, зачем нужно объединяться с такими авторами? Ведь у молодых авторов сейчас кто сильнее извернется и кто громче крикнет, тот более популярен.**

Я же считаю, что непременно должна быть редакция, чтобы люди объясняли авторам, что хорошо и что плохо. И книги должны выходить под контролем знающего человека. Потому что происходит девальвация литературного слова.

НАШИ РЕЦЕНЗИИ

«...ВСЁ ЛУЧШЕЕ
НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ»

(К выходу альманаха «Литературная Вологда — 2015»)

ЖИВОЕ СЛОВО

Вологодская земля — родина Клюева, Ганина, Шаламова, Белова, Рубцова, Яшина, Орлова. Вологда — это третья литературная столица России. Пожалуй, нет другого города, кроме Москвы и Санкт-Петербурга, где бы такое количество писателей стало авторами «Нашего современника», — около 40.

Среди них Сергей Викулов, Михаил Сопин, Владимир Железняк-Белецкий (кстати, в середине 1950-х годов его новеллы публиковались в альманахе «Литературная Вологда» — *Прим. ред.*), Виктор Коротаев, Ольга Фокина, Сергей Багров, Нина Груздева, — то есть у вологжан есть прочная литературная основа, тот исторический фундамент, на котором стоит организация. Среди постоянных авторов журнала Р. Балакшин, М. Карачев, А. Цыганов, С. Алексеев, В. Бараков и другие. И вот, в Год литературы, выходит очередной, уже четвертый выпуск альманаха «Литературная Вологда — 2015». Открывается он вступительными словами поэта Александра Романова, написанными давно и оказавшимися пророческими: «Вологодская писательская организация с самого начала являла собой живущий, растущий, корневой организм из народной среды, возникла в свое время как явление народного самосознания...» И сегодня авторы-вологжане своим художественным словом выражают народные чаяния. На «забытых просторах державы» слышен негромкий, но слитый с небесным звучанием, поэтический голос Михаила Карачева:

Но это недолго продлится,
И в хаосе зреет восстание:
Неведомой силой томится
Грядущее ожиданье.

Тема «поэт и поэзия» в лирике Ольги Фокиной преобразуется в мистическую и одновременно бытовую картину жизни:

За водой к роднику —
Он еще не замерз! —
В час не ранний — прилужный, призвездный.
Но обсохнет ведерышко,
Полное звезд,
И при мне мой родник не замерзнет.

Подобные чистые стихи на страницах сборника есть у Натальи Сидоровой, запоминается и неповторимый ритм стихотворений Татьяны Бычковой.

Замечательно, что и молодые авторы стараются следовать традиции, среди них заметен Николай Дегтерев.

Проза в альманахе представлена новыми рассказами Александра Цыганова, Виктора Плотникова, Сергея Багрова, Александра Ломковского, Олега Ларионова и других. Очерк «Воспоминания о Севастополе» Роберта Балакшина, лауреата премии «Нашего современника» и номинанта Патриаршей премии, напоминает нам, что история не просто повторяется, она постоянна в своих уроках: «Говоря о причинах войны, раньше на первое место выдвигались причины экономической. О духовных причинах мы тоже начинаем говорить только сейчас. Государь Николай Павлович вступился за христианские святыни, по-православному предполагая, что державы, именующие себя христианскими, возьмут его сторону в конфликте с Турцией. Однако Англия и Франция выступили союзниками нехристиан, врагов Христа и Церкви Его...»

С воспоминаниями Роберта Балакшина перекликаются и заметки Марка Москвитина «Севастопольский вальс-2015», в которых автор попытался заглянуть в будущее русского Крыма.

Публицистика и критика, как всегда, особенно остро ощущает дыхание времени; здесь можно отметить статью Сергея Алексеева «Засадный полк» и критический отклик гостя альманаха, Юрия Павлова: «Белов, человек и художник» (Александр Солженицын о творчестве Василия Белова), — эта работа была опубликована недавно и в нашем журнале.

Настоящими уроками русского языка стали очерки профессора-филолога Людмилы Яцкевич, ее рассуждения о живом и мертвом слове в нашей речи чрезвычайно актуальны: «Не в силе Бог, а в правде. Таково издавна наше русское самосознание. Настоящие мужчины в России — всегда правдоискатели, а русские женщины отличаются искренностью. Но в конце XX века налетело новое смутное время и принесло с собой новое поветрие, заразившее души мутными образами и словами». Невозможно подробно рассказать обо всех авторах альманаха, но сразу видно, что составители стремились включить в него все лучшее, что есть на сегодняшний день, и это им удалось. А ведь в альманахе присутствуют только авторы города Вологды, — какая картина предстанет перед читателями, если собрать всех достойных литераторов области! Можно поздравить всех нас с выходом альманаха «Литературная Вологда», достойно продолжающим и развивающим подлинные творческие традиции русской литературы.

Станислав КУНЯЕВ,
главный редактор журнала «Наш современник»,
лауреат Государственной премии России,
сoppeдceдaтeль Coюзa писaтeлeй Poccии

ПОЛОН МИР НЕСБЫВШЕЙСЯ ЛЮБВИ

(Размышления о поэзии М. И. Карачёва)

Все дарования без любви — ничто (1 Кор. 13, 1–2). Этими апостольскими словами можно определить духовное и художественное мерило русской поэзии. Автор, переступивший

эту черту и утративший способность любить, теряет эстетический вкус и нравственное чутье. Светоносный алмаз превращается в черный уголь.

Сама любовь — дар Божий, гораздо более высокий, чем дар поэтический. «Бремя мое легко», — говорит нам Господь. Но сами-то мы слабы бываем, чтобы нести это бремя. Остается в душе только желание любви. Но любовь Божия вечно с нами пребывает. Об этом нам напоминают, прежде всего, христианские песнопения, а также русская поэзия, которая, по слову Н. В. Гоголя, вся пронизана духом Евангелия, Благой вестью Господа. Мне дорого стихотворение В. Соловьева, которое переключается со словами апостола Павла и вселяет надежду:

Люди живы Божьей лаской,
Что на всех незримо льется,
Божьим словом, что безмалово
Во вселенной раздаётся.

Люди живы той любовью,
Что одно к другому тянет,
Что над смертью торжествует
И в аду не перестанет.

Тогда почему же земная жизнь человека полна трагизма? На этот вопрос другой поэт отвечает так: «Полон мир несбывшейся любви».

Это удивительно емкая по смыслу поэтическая строка из стихотворения М. И. Карачёва (альманах «Литературная Вологда — 2015», с. 16). Ее духовная и художественная сила основана на парадоксальном содержании. С одной стороны, несбывшаяся любовь, а не сбыться — значит не осуществиться, не исполниться (о чем-либо предполагаемом или желаемом). А с другой стороны, полон мир ... любви. Однако такие аналитические рассуждения могут разрушить поэтическую мысль, которая всегда основана на смысловом синтезе и глубоком чувстве, а потому органична. Чтобы понять эту мысль нужно прислушаться к голосу души, который начинает звучать при чтении этого стихотворения:

Ветер дул. Осины на погосте
Трепетали в счастье молодом.
Что сказать? В село пришли мы, гости,
А родня заснула вечным сном.

Ветер дул. Сияя над погостом,
Грозовая высилась грядя.
Здесь в холме покоятся лишь кости.
Где та жизнь? Отстала навсегда.

Ветер сник. К далёким перелескам
Отошла небесная грядя.
Где та жизнь в её покорном блеске!
Где та жизнь? Замолкла навсегда.

Что желать? О чём молиться Богу?
Полон мир несбывшейся любви.
Не зовите в долгую дорожку.
Никого не вижу впереди.

Только здесь могильные перины
Будут ждать покоя моего.
Слышу, слышу в радости незримой
Голоса отставших далеко.

Только здесь, в молитве одинокой,
И далёким воздухом дыша,
Голоса, отставшие далёко,
Будет ждать забытая душа.

Всегда возникает чувство вины перед умершими. Всегда кажется, что мало их любил, был черств, не понимал их, не ценил... Но, несбывшаяся любовь, прерванная смертью, может полностью осуществиться уже не здесь, а в мире ином. Ведь у Бога все живы. Лирический герой стихотворения и сейчас, этим ветренным осенним днем, и здесь, на родном пепелище, у этих родных могил, слышит «в радости незримой голоса отставших далеко» и молится, «далёким воздухом дыша». Действительно, такое поэтическое чувство — сродни молитве.

Если задуматься над поэтикой этого стихотворения, то поражает её родство с древней поэтической картиной жизни и смерти. В тексте проступает мистический сюжет восхищения души из этого мира в мир иной. Этот сюжет, в котором восхищение души противопоставлено смерти, зародился в античной культуре, а затем был воспринят христианами мистиками. Он связан с символами ветра и грозы. История этого сюжета и его символов в мировой культуре прослеживается о. Павлом Флоренским в отдельной статье (Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырёх томах. Том 2. М., 1996. С. 143–188). Рассмотрев различные произведения античной литературы и библейские тексты, он пишет: «Незримый, неосознанный и, однако, могучий и порою всеограшающий порыв ветра, конечно, есть символ наиболее сродный потусторонним силам, врывающимся в мир житейского попечения и восхищающим отселе человека в миры иные. Вот почему едва ли не каждая мистическая система включает в себя и понятие о таинственном порыве нездешнего дуновения» (с. 162).

В стихотворении М. И. Карачёва символ ветра встречается в трёх строфах из шести, а о восхищении души лирического героя в мир любящих и любимых свидетельствуют фразы: Осины на погосте / Трепетали в счастье молодом...; Слышу, слы-

шу в радости незримой / Голоса отставших далеко...; ...далёким воздухом дыша.

Поэтическое восхищение души — сила, побеждающая смерть. Однако о. Павел Флоренский предупреждает: «Для человека, мистически одарённого ... и видящего пред собой силы и знаменания иного мира, подумать, что духовных дарований самих по себе достаточно и что большего ничего не требуется для спасения, — очень привлекательно». При этом может возникнуть «повод для величайшего соблазна» (с. 185). Поэты опасно ходят. Это их особенность.

* * *

Кроме смерти, бывает и иная разлука, мешающая осуществлению любви. Это трагедия двух любящих людей, утративших взаимопонимание и доверие друг к другу:

Не унижай меня неправдой обо мне,
Непониманием праведным не мучай.
И как понять, что вечное — не случай.
Вот почему и тягостно вдвоине.

О, если б мог на равный разговор
Тебя я вызвать из твоей гордыни, —
Какой бы бездной отозвался хор,
Далёкий и безмолвствующий ныне!

Далее поэт опять обращается к мысли о том, что только в этом мёртвом мире любовь может быть несбывшейся, а в мире истинной любви — она вечно жива:

Так мира мёртвого спадает оболочка,
Хотя б на миг, но явственно понять,
Что вновь дана бессмертная отсрочка
Ещё любить, ещё тебя обнять.

В этом удивительном стихотворении М. И. Карачёв продолжает традиции русской духовной поэзии, утверждающей бессмертную силу любви.

Смерть и Время царят на земле, —
Ты владыками их не зови:
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

Эти ставшие крылатыми строки о любви написал В. С. Соловьев. Этот же мотив несбывшейся земной любви и любви вечной звучит и в стихотворении Н. М. Рубцова «Цветок и нива», которое заканчивается такими словами:

Взойдёт любовь на вечный срок,
Душа не станет сиротлива.
Неувядаемый цветок!
Неувядаемая нива!

Следуя библейской традиции понимания любви (Пс. 102, 15), земную жизнь человека поэт уподобляет полевому цветку, который быстро отцветёт и завянет. А вечную душу поэт называет «неувядаемым цветком». «Неувядаемая нива» — это жизнь будущего века, наполненная бесконечной любовью!¹

М. И. Карачёв также прозревает это состояние осуществившейся в вечности любви:

Мы уснём, как потухшие свечи.
Пусть над нами сгущается вечность,
Вольный ветер свистит за стеной, —
Сладко спать у любви за спиной.

Мы когда-нибудь выйдем из плоти,
Нас отпустит закон тяготенья.
Отыщи меня в мёртвом полёте, —
Я заплачу тебе из забвенья.

Но и в этих стихах, в последней строке, звучит печаль о несбывшейся земной любви. Ведь истинная любовь — это всегда жертва, а все мы так мало жертвуем, и так много просим. А потому возникает сердечная боль — чувство вины и покаяния перед близкими людьми, любившими нас, и перед родиной, взрастившей нас:

Зачем я жду сердечной укоризны,
Вернувшись в юность, в дальнее село,
Где жизнь прошла, как ожиданье жизни.
Здесь сверстники состарились давно.

Где этот зов живой сердечной воли,
Влекущий в даль, в мерцающий поток!
И почему виденьем чистой боли
Не исчезает матеря платок?

Особенно примечателен конец этого стихотворения, свидетельствующий о душевной тонкости поэта, его духовном зрении:

Ещё чуть-чуть — сожнётся поколение,
Спрессуется как бессловесный прах!
Так почему не ужасом, не тленьем, —
Я откликаюсь радостью на страх!

Этим душевным состоянием, которое можно только почувствовать сердцем, но трудно передать обычными, непотэтическими, словами, проникнуты и другие стихотворения М. И. Карачёва. Например, в стихотворении «Это хрупкое время не право...» путник возвращается домой по лесной дороге «и выходит к родимому берегу, к деревушке за тёмной рекой». А затем звучат пронзительные строки о том, что чувствовал человек, в непогоду вернувшийся после многих лет скитаний на оставленную когда-то родину:

• Окончание на 4-й стр.

¹ Об этом стихотворении более подробно в нашей статье «Взойдёт любовь на вечный срок...» Христианский идеал любви в поэзии Н. М. Рубцова // Н. М. Рубцов и Православие. Сб. статей о творчестве Н. М. Рубцова. — М., 2009. с. 307–316.

НАШИ РЕЦЕНЗИИ

• Окончание. Начало на 3-й стр.

*Над стремниной тягучей, глубокой
Трос качается, лодка скрипит,
И по сердцу скользит одиноко
Одинокость прибрежных ракушек...*

*А в лесной затаённой округе
Над забытым жильём, над рекой
Вырастает спящая выюга,
Оглушая высокой тоской.*

*И забвенья беспмятный холод
На безудержной тёмной волне
Рвёт и треплет слабющий повод
В ненадёжном скрипящем челне.*

*Отчего же восторженным стоном
Вырывается вздох из груди
И, сливаясь с окрестностью, тонет,
Окликая в крошевной дали!*

Следует отметить, что по силе трагического звучания стихотворения М.И. Карачёва близки к поэзии Ф.И. Тютчева, например, к таким его строкам:

*И бездна нам обнажена
С своими страхами и мёлами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!*

Это же видение тёмной бездны забвения и хаоса, хождение по её краю в поэзии М.И. Карачёва. От падения в неё спасает только любовь, теплота которой согревает душу и рождает в ней искру радости и надежду на Жизнь Вечную:

*Пусть во тьме осыпаются маки,
Пусть утихли порхание и свет,—
Перестаньте тревожить и плакать!
Ничего здесь погибшего нет.*

*Всё, что умерло,— рядом таится.
Всё имеет и душу, и свет,
И ночными глазами глядится,
Излучая незримый привет.*

Живое человеческое сердце, полное любви, светит во тьме и преодолевает смерть.

Людмила ЯЦКЕВИЧ,
профессор, доктор филологических наук

«...ДАН СВЯЩЕННЫЙ ДАР СЛОВА»

Я прочитала альманах «Литературная Вологда» и хотела бы поделиться своими впечатлениями. Неброское, спокойное, аккуратное оформление книги, интересное содержание. В издание включены стихи, рассказы, миниатюры, очерки, современная публицистика. Авторами произведений являются поэты и писатели, которые являются членами Союза писателей России. Это уже о многом говорит. Значит, перед нами профессионалы своего дела. А профессионализм в любом деле всегда вызывает уважение. Многие стихи Ольги Фокиной я знаю наизусть. Мои ученики пишут свои исследовательские работы по ее творчеству. Вот и в альманахе я вижу и читаю вновь мои любимые стихи. Образы матери, брата, деревни по-прежнему остаются одними из основных, но получают современное звучание и осмысление. Читаю стихи Инги Чурбановой, — талант. Причём, талант жизнеутверждающий. Стихи Михаила Карачёва — это отдельный разговор. Талант несомненный, но лирика очень сложная. Стихи правильные, академические, сразу видно Мастера. Я увидела сложный образ лирического героя, размышляющего о жизни и смерти, где «в доме под крышей земной жизнью и забвенью равны». На первом плане у М. Карачёва мысль, затем образ и чувство, на мой взгляд, глубоко скрытое, сдержанное, но очень правдивое.

Из прозы я отметила бы рассказы Александра Цыганова. Зацепил рассказ «Под сосною, под зеленою». Жестоко, но правдиво. На одном дыхании, как говорится, прочитала документальную повесть Дмитрия Ермакова «Берег юности» о Николае Рубцове. Кажется, столько уже прочитано о Рубцове, но эта документальная повесть рассказала о великом русском поэте так душевно и лирично, что хочется сказать большое спасибо автору за такую художественную повесть. Интересны миниатюры Сергея Багрова. Особенно мне понравились последние две — «В высшую жизнь» и «Благодарю». Имя Виктора Плотникова я знаю по роману «Когда мы будем вместе». Притча «Белый орёл» — сложное произведение, так как в нём заложен глубокий философский смысл. Как всегда, у Плотникова много описаний природы, которая в данной притче играет огромную роль. Открытием для меня стали имена Александра Ломковского, Николая Толстикова и Антона Янковского. Рассказы читаются легко, темы интересные и современные, у каждого свой стиль. С большим удовольствием прочитала рассказы из жизни под названием «Простой русский народ», принадлежащие перу Анатолия Ехалова. Современная публицистика вызвала целую бурю эмоций, так как взгляды Сергея Алексеева и Андрея Смолина мне близки и понятны, их аргументы интересны, доходчивы и убедительны. Особенно задел «Засадный полк» Сергея Алексеева. Действительно, мы теперь не народ, а население страны, и поэтому призыв автора к приобретению образа народа звучит актуально. Работы Людмилы Яцкевич, Сергея Тихомирова, Александра Романова-мл., Виктора Баракова, Юрия Павлова может использовать учитель в своей практической деятельности.

Главным достоинством книги «Литературная Вологда — 2015» является, конечно, язык произведений. И уместно привести цитаты из работы Л. Яцкевич «Уроки русского». Она пишет: «В наше время все жалуется на утрату смыслов, на пустоту и никчёмность наших речей». Так вот, ни утраты смысла, ни пустоты и никчёмности, я считаю, в произведениях у авторов данного альманаха нет. «Человеку дан священный дар Слова не столько для общения, сколько для понимания Божьего Промысла о нём. Особенно остро это чувствуют поэты и философы», — читаем мы у автора «Уроки русского». Вологодские писатели, бесспорно, понимают и чувствуют то, о чём они пишут, и пишут они «великим, могучим, правдивым и свободным русским языком». Огромное спасибо за такую книгу.

Любовь БОТВИНА,
учитель русского языка и литературы,
пос. Югский, Кичменгско-Городецкий район

ОПЯТЬ ВОЛОГДА СИЯЕТ!

(Из всероссийских откликов на альманах «Литературная Вологда — 2015»)

***

Опять Вологда сияет! Ну как же здорово сияет!

Елена

***

Хорошая проза — образный язык, сильная энергетика, живой мир, созданный широкими, мощными мазками художника слова. Прочитав, не забудешь, очень цельный и глубокий рассказ, ведущий читателя вглубь себя.

Э. Менишкова

***

Русский Дух автора мирен и приятен. Одновременно тих и грозен, благостен и суров — всегда сосредоточен. Ни капли негатива, неуверенности, пессимизма. Светло, очень светло, даже когда душно от света... Замечательная проза!

Елена

***

И вот в который раз вспоминаешь: как непоправимо страшно не успеть вовремя отдать святые долги... Которые мы легко и счастливо носим в сердце, зачастую забывая, что настанет час, и они обернутся тяжким грузом... Рассказ потрясающий...

В. Беляева

***

Какая утончённость! Боже, на что только ни способна наша русская Поэзия!

Читатель

***

Стихи — вологодское кружево.

А. Сытшикова

***

Вот она, Русь! Нынешняя, деревенская. Как по-настоящему грустно. И все-таки жаль. Чего жаль? Нашу нынешнюю русскую действительность. Спасибо.

Н. Денисов

ИЗ ЖИЗНИ ВОЛОГДСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

***

ПРИКАЗОМ министра внутренних дел Российской Федерации дипломом лауреата литературного конкурса МВД России «Доброе слово» награжден вологодский писатель, лауреат Государственной премии Вологодской области по литературе Александр Цыганов. Награждение состоялось на расширенном заседании Коллегии МВД в присутствии первых лиц Правительства Вологодской области.

***

БОЛЬШИНСТВО членов Вологодской писательской организации постоянно встречаются с читателями в школах, библиотеках, трудовых коллективах. Запомнились такие встречи с известной поэтессой Ольгой Фокиной, прозаиками Сергеем Багровым и Робертом Балакшиным, Анатолием Ехаловым. Минувший год выдался «урожайным» на читательские встречи и для члена Союза писателей России Геннадия Сазонова. Он провёл более 20 встреч в Вологодской, Тверской и Новгородской областях. Встречи проходили не только в городах, но и в сельской местности, например, в селе Богослово Новгородской области и в селе Марыно Тверской области.

На встречах с читателями писатель вёл ответственный разговор о сохранении исторической памяти нашего народа — о 70-летию Победы, о литературной жизни в России и в Вологодской писательской организации.

Встреча литературного актива Череповца с мэром города

В ЛИТЕРАТУРНОМ музее Дворца детского и юношеского творчества им. А.А. Алексеевой состоялась встреча литераторов Череповца с мэром города Юрием Кузиным. Своими размышлениями о прошедшем Годе литературы поделились: председатель «Батюшковского общества» А. Волков, руководитель череповецкого отделения Вологодского союза писателей-краеведов Л. Вересов, главный редактор областного военно-патриотического журнала «Ермак» И. Ваганов, ответственный редактор литературно-художественного альманаха «Над Шексной» Е. Максимова, а также председатель городской общественной организации «Череповецкое литературное объединение» М. Прихотский.

Подробный анализ литературных процессов на Вологодчине дал член правления Вологодского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России» Сергей Созин. В заключение,

мэр города Юрий Кузин попросил подготовить перечень предложений и инициатив, которые обещал рассмотреть с новым начальником Управления по делам культуры мэрии Череповца.

«Большой вечер поэзии» вологодских и череповецких авторов в «Красном углу»

ВСТРЕЧА стала ярким примером связи творческих поколений: в ней приняли участие как маститые поэты, так и начинающие авторы. Открывая вечер, член Союза писателей России поэтесса Инга Чурбанова отметила, что сейчас литературный процесс находится в несколько застывшем состоянии, словно во льдах. Поэтесса провела параллель с известным кинофильмом «Красная палатка», где герои пытались выжить среди ледяного царства, и их спасением стала палатка красного цвета. Гости поэтического вечера должны были почувствовать себя участниками той «романтической арктической экспедиции».

«Мы с вами «скрываемся» в палатке под названием «Красный угол», — сравнила Инга Чурбанова. — Финал этого фильма хоть и грустный, но довольно оптимистичный. Почти все герои спаслись, многие из них запомнили ощущение от совершенного подвига стойкости и стремления к своей мечте. Все, кто здесь собрался, также верны своему главному увлечению...».

После ее выступления к микрофону выходили поэты и читали стихи. Спокойная обстановка помогала слушателям лучше понимать лирические строки. Гости размышляли о северных красотах, об уже ушедших земляках и смене поколений, о близких и дорогих людях, о доброты, взаимопонимании и дружбе.

Ольга Фокина, Михаил Карачев, Татьяна Бычкова, Вера Коричева, Андрей Алексеев представили свои произведения. Глубокие переживания сменялись легким юмором, а самые радостные воспоминания плавно перетекали в ностальгические мотивы.

Литераторы из Череповца под руководством Максима Приходского внесли свой поэтический вклад в прошедший вечер. Стихи череповецких авторов вызвали много положительных эмоций у слушателей. Авторы отмечали, что жанр поэтического вечера стал редким, тем не менее, зал был полон. А это значит, что поэзия не может быть ненужной.

ПОЭЗИЯ. XXI ВЕК

Александр ПОШЕХОНОВ

Мне снились реки дождевые...

* * *

Мне снились реки дождевые,
И в этих реках плавал я.
Мне снились — вечные, живые —
Мои ушедшие друзья.
Во сне я с юностью встречался,
Шептал ей: крепче обнимай!..

А май всё шёл и не кончался —
Такой был долгий месяц май...

Мне снилось клеверное поле,
Где до небес — рукой достать,
Где столько воли, столько воли,
Что невозможно не летать.
Я к воле той на крыльях мчался:
Посторонись и не замай!..

А май всё шёл и не кончался —
Такой был долгий месяц май...

Мне снились горные высоты.
Путь к отступлению круша,
Звенели ангельские соты,
И млея в радости душа.
Я в соты тайные стучался:
Кто на дежурстве — принимай!..

А май всё шёл и не кончался —
Такой был долгий месяц май...

Дорога белая мне снилась,
Был безмятежным этот сон!..
А май всё шёл. И жизнь катилась —
Бесповоротно, под уклон.

ДЕРЕВЕНЬКА МОЯ

Со святой простотой
Ветер в окна врывается.
От простого труда
Не уйти никуда.
И заря со святой простотой
Улыбается,
И звенят со святой простотой
Провода.

Деревенька моя —
Светлых дней половодье,
Мой надёжный причал
И отрада очей.
Даст Господь мне живые слова,
А мелодию
Мне подскажет живой,
Говорливый ручей.

В деревеньке моей
Складно песни слагаются.
Со святой простотой
Эти песни пою.
Отдыхаю душою
И, как полагаются,
Приглашаю гостей
В деревеньку свою.

Всё проходит. Быльём
След усталый затянется.
Отгорит листопад,
Зачастят холода...
Всё проходит. И всё же
Деревня останется —
На земле и в сердцах.
Навсегда, навсегда!

* * *

За окошком гул тревожный.
Это ветер-бедокур
Заявился в мир острожный,
Рвёт с подворий по семь шкур.

Рубероид, шифер, дранку,
Жесть и даже кирпичи

Без разбора наизнанку
Хочет вывернуть в ночи.

Ишь, понравилось, заразе,
Не уймётся-то никак.
Полсела обезобразит
Разгулявшийся «баскак».

Гул тревожный — как из пушки
Где-то бухают, палаят...
В избах крестятся старушки
И внучатам спать велят.

ЗАГУДЕЛИ ВЕТРА

И опять, и опять загудели ветра,
Зачастили с набегом они.
Будут зябка мигать за окном,
как вчера,
То ли звёздочки, то ли огни.

Неуютно в ночи одинокой душе,
Не согреет ни водка, ни чай.
Разве только увесистый том
Бомарше,
Утомив, усыпит невзначай.

Впрочем, сон не желаннее
старой мечты,
Я с бессонницей свыкся давно.
Волчьим оком желтеет луна
с высоты,
Ей не спится со мной заодно.

Вот перо, вот тетрадь,
грустных мыслей клубок,
Знай, распутывай их до утра.
Ведь никто не придёт,
не толкнёт тебя в бок,
Мол, делами заняться пора...

Гул ветров не на шутку тревожит
в ночи:
Что-то будет в знобящем миру?
И дрожит одинокое пламя свечи,
И осина скрипит на юру...

В ЯНВАРСКОМ НЕБЕ

В январском небе музыка слышна,
Как будто в вышине оркестр
незримый,
Тревожа душу и лишая сна,
Озвучивает мир неповторимый.

Загадочные звуки неспроста
Заполнили полночное
пространство,
От них исходит божья чистота
И ангельского бденье постоянство.

Попрятались лукавые слова,
Лишь сердца молоточки подпевают
Мелодии Любви и Рождества,
Которая всю землю овеает.

Молчат тревоги будущего дня,
Не оскверняет долы гарь моторов.
Живые звёзды смотрят на меня,
И мне тепло от их далёких
взоров!..

* * *

Дорогая подружка моя,
Вот и я повзрослел не на шутку.
От весёлых картин бытия
Временами становится жутко.

Вздрыблен век и прищпорены дни,
И всё чаще в любимцах былое.
Пред глазами, куда ни взгляни,
Суэта да невежество злое.

Одиноко и мне, и тебе,
Зябнем оба под клетчатым пледом.
Что за стужа прошла по судьбе,
Что за невидаль топает следом?

Мы не будем про это гадать —
Жизнь юдольная ест с потрохами.
А уверем мы в Благодать
И в Божественный Свет над
грехами.

Хорошо, что на стыке дорог
Белокаменный Храм, как спасенье.
Хорошо, что на нас смотрит Бог,
Хорошо, что грядёт Воскресение!..

* * *

Если пройдены пути
И развенчаны кумиры,
Надо вовремя уйти
От бессовестного мира.

Вспомнить родины привет,
Домик выстругать желанный,
Да и жить на склоне лет,
Как в стране обетованной.

Без греха, без суеты,
Без нужды спешить куда-то,
Стариковские мечты
Не скрывая виновато.

Утром встанешь — тишина,
Только лай собаки дальний.
И хмелит сильней вина
Перелесков вид печальный.

Улыбнёшься снегирию,
Как обыденному чуду,
Поприветствуешь зарю,
Твёрдо зная — Бог повсюду.

Твёрдо зная: твой причал —
Не острог с глухим секретом,
А начало всех начал
Для тебя на свете этом!..

* * *

Для нас такая новость не нова:
Воскрес Иван, не помнящий
родства.
Глядит на Русь, как истовый
жираф:
Везде он выше всех, во всём он
прав.

Пролез в газеты, на телеэкран:
Страна — агрессор, президент —
тиран!

Да здравствует свобода
«меньшинства»!..
Такие вот «высокие» слова.
Нет для него роднее этих тем...

А мы живем и тянем воз проблем.
А мы живем наветам вопреки,
Содружеством да верою крепки,
Сплочённостью души и естества,
Не слушая не помнящих родства.

И будем жить, и будем воз тянуть,
Чтоб под чужие песни не заснуть
Обманчивым, коварным
«вечным сном»
Беспамятной ордой в краю
родном.

«ПОЛЯНА»

Опять «поляна» у Толяна,
Дым — коромыслом, спирт — рекой.
Опять жена его, Татьяна,
Махнула на него рукой.

Вещички собрала и в город
Уехала — до лучших дней,
Чтоб не хватал её за ворот,
Не издевался бы над ней.

Толяну — что?.. Глаза туманны.
Ему компания нужна.
И нету дела до Татьяны,
Когда в избе полно вина.

С утра «поляна» хороводит,
И ночью шум — хоть не ложись...
А жизнь проходит,
жизнь проходит.
Ну что ж — на то она и жизнь.

АВТОЛАВКА

Весь день прождали «автолавку»,
Отставив в сторону дела,
На время делали поправку...
Но «автолавка» не пришла.

Ни колбасы теперь, ни хлеба,
Ни масла и ни молока.
Зато в избытке — осень, небо
И кучевые облака.

В избытке стужа — но снаружи,
Тепло в избытке — но в дому...
К теплу поближе мы по лужам
Расходимся по одному.

Хлебнём водички для заправки,
Винцом «догоним» — благодать!..
А завтра снова «автолавку»
С тройным упорством
будем ждать.

ИДУ ДЕРЕВЕНСКОЮ УЛИЦЕЙ

Иду деревенскою улицей,
Подняв воротник пальтеца.
А день — то надменно нахмурится,
То солнышком брызнет в лицо.

Собаками нынче бездомными
Богата деревня по край,
Приходится крохами скромными
Делиться под радостный лай.

Домашним достатком не хвастая
(Живу-то, считай, на гроши),
Треплю их за гривки блохастые
Насколько хватает души.

Разъехались ушлые дачники —
Сподручнее в городе жить.
А мне, старожилу-собачнику,
Деревню зимой сторожить.

Тиха деревенская улица,
Не всякое скрипнет крыльцо.
А день — то надменно нахмурится,
То солнышком брызнет в лицо.

КАК БУДТО ВЧЕРА

Суровые зимы, узор на окне —
Счастлирое детство припомнилось
мне.

Весёлую юность, девчонку одну
Я тоже не раз и не два вспомяну.

Под звон комарья к костерку
у реки
Слетались и утицы, и кулики.
Горел костерок, полыхали сердца,
Казалось, не будет у жизни конца,
Казалось, вовек не расстаться
с весной...
Как будто вчера это было со мной.

О чём бы ни вспомнил —
Как будто вчера!..
А жизнь — на излёте.
Прощаться пора.

* * *

Не успеет рассвет насладиться
своим появлением,
А уж серые тени крадутся
и входят в дома.

Не хранит ни загадки,
ни тайны такое явление
По банальной причине,
название которой — зима!

В увядающем мире оснеженность —
как аксиома,
В растревоженном небе осадкам
не видно конца.
Как отраднo скучать в тишине
деревенского дома,
Уповавая всецело на тайную волю
Творца.

Как отраднo глядеть в побелённое
снегом оконце

На пугливых синиц,
на пустынные наши леса.
Промелькнёт в вышине
и за тучами спрячется солнце —
Вот, пожалуй, и все
на сегодняшний день чудеса.

* * *

Кто сказал, что это старость,
Что надежды не осталось,
Что придётся одному
Умирать в пустом доме?

Как поверится в такое,
Если сердцу нет покоя,
Если разум и душа
Жизнь смакуют не спеша?

Пусть зимою одиноко
За окном трещит сорока,
Вьюга мечется в ночи.
Но огонь горит в печи!

После долгой зимней стужи
Снова выбегут наружу,
Как весёлые шенки,
Наши летние деньки.

Дорогие мои дети
Снова вспомнят о поэте
И немедленно домчат
К деду всех его внучат!..

* * *

Мила печная канитель —
Под вечер в доме выстывает.
Душа, как птица-свиритель,
Свои молитвы напевает.

Всю осень я, старый сын,
Живу на выселках пустынных,
Пытаюсь вспомнить и постичь
Предания времён былинных.

Пытаюсь возраст обмануть,
Брюзжанием не беспокоя,
Чтобы забыться и всплакнуть
Над удивительной строкою.

Чтоб, не мешая никому,
Ни чьей души не угнетая,
В полночный час шептать во тьму:
«Продлись же, осень золотая!..»

* * *

В деревушке, в родимом краю
Я осенние песни пою,
Я с веками веду разговор.
Сладок мой добровольный затвор.

Свет лампадки пред Ликом Христа.
Сердце — настезь, и совесть чиста.
Как отраднo, как радостно мне
Помолиться в ночной тишине.

За любимую матушку Русь
Перво-наперво я помолюсь,
А потом — за народ, за семью
Я продолжу молитву свою.

И за мир помолюсь, и за лад,
Чтоб на брата не шерился брат.
А потом — за себя, молодца:
«Дай мне, Боже, любви до конца!..»

ПРИЛЕПИТЬСЯ К РОДИНЕ

Прилепиться к родине и жить,
Обрести надёжный скрип причала,
Утренние зори сторожить,
Не пытаться жизнь начать сначала.

Копка гряд, покосы, колка дров,
С внуками весёлые прогулки —
Суету забудь и будь здоров,
Счастлив будь в родимом закоулке.

Всех красот земных не повидать,
Не испить всех радостей-печалей.
Чем плоха земная благодать,
На твоём созревшая причале?..

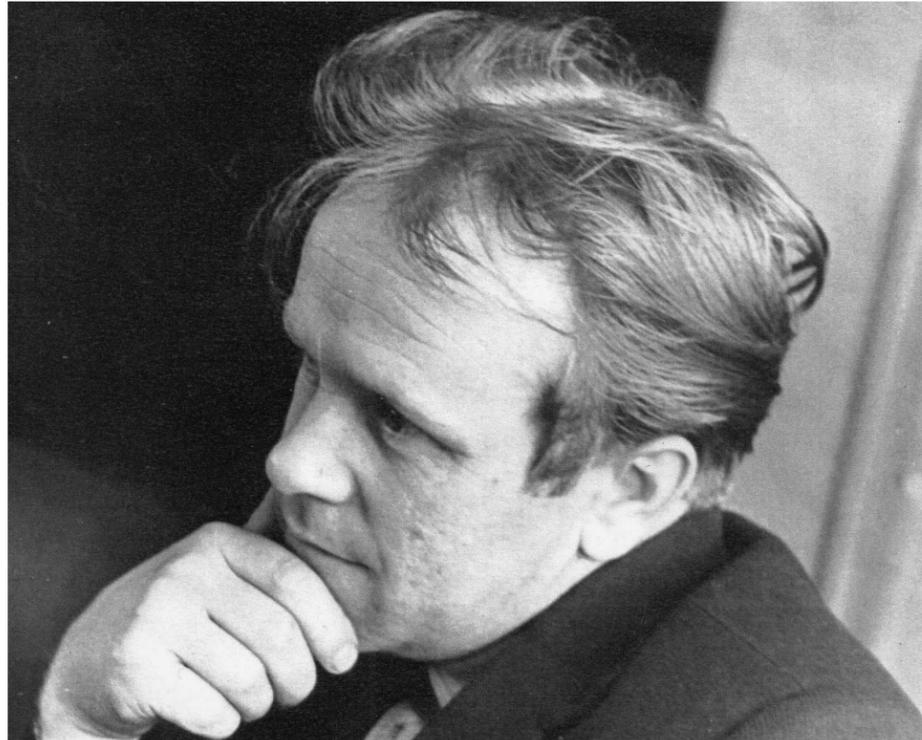
Вологодская писательская организация и редакция «ВЛ» сердечно поздравляют Александра Алексеевича Пошехонова с 60-летием и желают своему товарищу доброго здоровья, дальнейших поэтических открытий, новых книг!

ИЗ АРХИВА ВОЛОГДСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Василий БЕЛОВ

Последняя гроза

Рассказ

ОТПУСК мой подходил к концу, кончалось и недолгое северное лето. Я жил в одиночестве в своей деревне, неприкаянный, ходил по лесам и на озеро, ожидая осенних дождей, чтобы снова надолго уехать из родных палестин. Но я не считал отпускных дней. Было одно чувство, не чувство, а ощущение легкости и свободы. Оно приходило тогда, когда все далеко: город, бытовая возня, выпивки, условности, нудная, как болотный гнус, забота о благополучии — все то, что потихоньку съедает первородную радость жизни. Не надо тебе ни особых чемоданов, ни командировочных грамоток — ступай по земле куда хочется, никто не оберегает тебя от глупостей, никто не учит благоразумию.

Все сам. По утрам я вставал с первым теплом солнца. Выгоняют коров, прогорают дрова в печках, сохнет роса, орут петухи. Омут, что при слиянии двух речек, еще подернут сизоватой дымкой; я, чтобы не раздумать купаться, раздеваюсь еще на ходу и прыгаю прямо в стаю прошлогодних плотичек, окунаюсь, и меня вдруг пронизывает беспричинный восторг, словно я окунулся не в омут, а в собственное детство... О-оо... Какое это счастье — на минуту вернуть себя в прошлое по времени, стать снова двенадцатилетним! Я даже купаюсь без трусов, как в детстве, мне легко и не стыдно, мыслей нет никаких — одно сплошное ощущение жизни, я в растворе и в этом зеленом солнечном мире. Откуда такая радость? Я не спрашивал тогда себя ни о чем и ничего не анализировал, выскакивая на берег. Солнце шурило свое громадное золотое око, золото его бесшумно плавилось в вышине, переходя по цвету в нежную синеву, и облака отеняли безбрежность этой синевы, а я лежу на травяной земле, и колокольчик щекочет горячее ухо.

Потом я вставал на делавшиеся вдруг упругими ноги, меня охватывала физическая жажда движений, и я весь день ходил по дорогам воскресшего детства, лазил на те сосны, что когда-то рвали своими судьями мои штаны, метал стог с бабами над рекой, кидал камни в озеро, ел кислый хрустящий шавель, от которого сводило скулу и ниже веко.

* * *

Однажды я вспомнил о своей двустовке. Она висела без дела в летней половине дома, я зарядил десяток патронов и пошел в поскотину. Коровья тропа в прогоне вывела меня на неширокое, окруженное соснами взгорье. Здесь, на поляне, две девочки с натугой дули на потухшие головешки, и дым слезил им глаза, а они смеялись от этого. В зеленых сосновых космах затухал, шумел теплый ветер, чуялись призрачно-нездешние звуки коровьего колокола. Было солнечно радостно, вершали в траве сверчки, из кустов шумно вздохнула корова, она долго, до нового вздоха глядела на меня.

Я помог девочкам развести пожар и спросил, где есть рябчики. Девчушки послали меня к осеку, отделявшему лесной выгон от сенокосной пустоши. Ступая по хитрым тропам, я тут же забыл все на свете. Шум сосен, далекий голос колокола, первобытный зов к добыче — все это растворило меня в лесу, и я уже снова не ощущал самого себя. Вдруг я вздрогнул, большая птица тяжело снялась недалеко от меня. По хлопкам крыльев я ощутил то место, где она затихла. Большая сосна была как на ладони, я напряженно оглядел крону и тут же увидел серый птичий силуэт, потом, сдерживая дыхание, прицелился. Выстрел грохнул раскатисто и торжественно, он был как финал непонятого, напряженно нарастающего счастья, словно разрядилась не гильза, а моя душа, и я бросился к сосне. На иглах, распластав метровые крылья, лежал громадный тетеревятник. Его серповидный клюв то открывался, то закрывался, издавая кричащие звуки. Рябая шея изгибалась, и желтая лапа угрожающе распускала когти.

«Ага,— подумалось мне,— значит, здесь есть рябчики». Мой азарт вновь охватил меня, и я добил тетеревятника стволом ружья и осторожно пошел дальше, хотел закурить, но спичек не оказалось. «Видимо, выронил их, когда возился с ястребом»,— подумал я и вернулся к сосне. Спички лежали на земле, а ястреба не было, он скрылся в зарослях. Заряда дробы и двух ударов стволом оказалось мало, чтобы уколоть хищника.

Разозленный, я пошел к осеку. Снова надо мной прошел по вершинам ветер,

пробарабанил своим носом дятел, и опять стало тихо. Когда треснула под подошвой ветка, в двух метрах от меня поднялся рябчик. Слетел он не очень далеко, сел на двойную березу и два раза тонко-тонко свистнул. Я видел, как подергивал он тонкой шеей, а потом притаился, но я уже прицелился и выстрелил. Я знал, что не мог промахнуться. С бьющимся сердцем вытаскил дымящуюся гильзу и, стараясь быть неторопливым, подошел к березе, раздвинул вересковые ветки. В траве сидел тихий небольшой рябчик-подранок. Он клонил хохлатую голову, и его круглый коричневый глазок смотрел не на меня, а куда-то, равнодушно и отрешенно. Крохотная лиловато-розовая капелька крови выступила на его хохлатой головке, а он все смотрел и не двигался, словно сидел в гнезде, наивен и беззащитен. Я не мог больше, и в упор, зажмурившись, выстрелил в этот маленький комочек жизни...

На взгорье полянки курился костер, в кустах, ломая ветки, переключались девочки, и все также отчужденно звучал где-то коровий колокол. Я вышел в поле. Чуть склоненное к земле солнце светило по-прежнему ласково, по другой дороге навстречу мне шли с обеда косцы, меня долго провожали чибисы.

В деревне было тихо и пусто. Я вошел в свой большой пустой дом, лег на прошлогоднее сено и заснул. Мой сон был странным. Я как будто и спал и не спал, весь мир был для меня тишиной, не было ни образов, ни мыслей. Я не мог очнуться и тогда, когда открыл глаза, не воспринял того, что увидел. Не ощущая правой и левой стороны, не ощущая верх и низ, я с открытыми глазами лежал на спине и ничего не думал. Может, это было чувство космоса, чувство бескрайности окружающего меня мира? Времени для меня не существовало, оно остановилось. Я ощупал свое лицо, провел ладонями от висков к шее, по бокам до бедер и вдруг ясно и остро ощутил свою материальность, свою плоть. Оказывается, я всего-навсего частица материи, крохотная, затерянная в мире частица, которой суждено остынуть и исчезнуть среди этой бескрайности.

Я встал и, как лунатик, начал ходить по настилу повети. Мои мускулы ныли и вздрагивали, я слышал, как сердце толкается в ребра и гонит кровь по этому простому, познанному мной устройству, это устройство и есть я, и это во мне пульсирует красная жидкость, называемая кровью. Я был весь болен и снова лег, тишина была не-

вероятная, и вновь исчезли три измерения, и только какие-то абстрактные образы чередовались, путались, поглощая друг друга; смешались, исчезали и вновь нарождались в моем сознании.

Соседская хозяйка уже ночью пришла ко мне с банкой молока. Она помогла мне перебраться к ней в дом, и три дня я провалялся в бреду на ее сосновой, пахнущей зерном лежанке.

* * *

На четвертый день я очнулся. Ягодицы болели от впрыскиваний пенициллина. Выросла сантиметровая борода, я долго не мог побриться, руки дрожали. Хозяйка сказала мне, что я простудился на озере, что фельдшерница с медпункта каждый день приходила делать уколы. Но я-то знал, какая случилась простуда.

Теперь я впервые физически ощутил время. Оно шло в одну сторону, и жизнь представляла в своей обнаженной простоте, каждая прожитая минута нарождала скорбь своей невозвратностью. Никогда этого не было со мной: я вдруг с жесткой ясностью понял неумолимый закон времени, физически ощутил ограниченность того числа дней, которые отпущены мне природой. И вот жизнь впервые показалась бессмысленной.

В самом деле, где же ее смысл, если она все равно кончится? Я смотрел на свои ногти и думал, что пройдет два десятка лет, ну три-четыре (не все ли равно сколько?) и эти пальцы, и моего я не будет в природе, как никогда уже не будет и того рябчика, и той травы, куда он упал после моего выстрела. Два-три выпавшие волоска в расческе, отраженное в зеркале дупло зуба, высыхающий на дороге коровий помет, ржавеющий в воротах гвоздь — все говорило мне о бессмысленности.

Теперь я уже не ходил ни в лес, ни купаться. Отрывая листок календаря, я равнодушно смотрел его обратную сторону. Обратные стороны вешали о великих людях, загадывали шахматные задачи, учили ухаживать за волосами и зубами, призывали к чему-то, пытались чем-то смешить. А мне думалось о том, как мизерно все это по сравнению с жестокой преемственностью названных дней недели и месяцев, по сравнению с последовательной, неумолимой сменой чисел.

Осенние дожди уже пробовали полоскать стекла рассыпавшихся рам, хозяйка-старуха все посылала меня в баню, чтобы пропариться, да поила безвкусным молоком, а я все лежал на лежанке и глядел в потолок.

Вечером, накануне отъезда, я пошел за хлебом в лавку сельпо. Я возвращался поздно и без последней десятки, оставшейся от отпускных денег: знакомые мужики остались допивать, а я не смог охмелеть и ушел, охваченный еще большей тоской и равнодушием. Мне ничего не хотелось, желаний не существовало. Идти было еще далеко, через несколько перелесков и деревень. Быстро смеркалось. Сизая грозовая туча загонила меня на крыльцо заколоченного дома, я сел на гнилые ступеньки. «Вот,— издеваясь над собой,— подумал я,— выходит, что ты, философ, дерьмо, говоришь о бессмысленности, а дождя все-таки боишься».

Сетка с хлебом лежала рядом. Я зажал виски ладонями и плакал изнутри, без слов и не вздрагивая, как плачут животные. Ничего не было во мне, было равнодушие и пустота, был еще цинизм к самому себе, к своему рождению, к своей и всякой жизни.

Тут я вспомнил свою двустовку, но сарказм и цинизм облили, как помоями и эту последнюю, казавшуюся до этого благородной, мысль, и я сидел раздавленный, уничиженный. Что ты такое? Зачем ты? Что? Для чего природа в твоём лице осознала себя? С чего это началось и чем кончится? Я уже не плакал, я хохотал над собой и над всем, что есть, хохотал и над тем, что хохочу, издевался и над тем, что издеваюсь.

...Туча не спешила, она накапывалась на меня вместе с ночными потемками молча, словно не желая грохотать по-пустому. Сознание без моего ведома отразило то, как затихла белая пыльная дорога и трава, когда хлопнули о дорогу первые капли. Потом, будто вгоняя в пыль гвозди, бухнули с неба еще капли, и во мне что-то дрогнуло: речной омут у мостика заходил как на дрожжах, ветряной шум в крышах затих, уступая место раскатам картявого грома. Темнота стала как в осеннюю ночь, даже дома не угадывались в ней, а во мне вдруг проснулось что-то, вспыхнуло и загоралось, мускулы напряглись и сердце затучало быстрее, словно возбужденное. Я вскопчил на крыльцо и вздохнул запах дождя, приправленный кремнево-искрым запахом грозных разрядов, ломаные линии молний из золотых стали не то голубыми, не то дымно-зелеными, они подолгу чертили темень, и гром шаркался во все стороны и затихал, стужевавший шумом воды. Вновь треснула широкая сильная молния, и в ее нездешнем освещении я вдруг увидел женскую фигуру. Тонкая, как тростинка, стояла у канавки на голубой траве девушка, я видел ее всего секунду, но так ясно, остро запечатлелось в памяти ее чуть испуганное лицо, короткое движение перед прыжком, босые, рельефно утолщенные к бедрам ноги, облепленные до ниточки промокшим платьем и каплевидная грудь. Грохот и мрак поглотили ее тотчас, она исчезла, словно видение, и при следующей вспышке я уже не увидел ее, только голубая трава дымилась под струями. Ах, какая полнота жизни, какая радость ее чистоты увиделась вдруг мне во всем этом, как сразу исчезло оцепенение и, словно озонный дым, начали таять во мне вызванные рефлексией равнодушие и цинизм! Тогда я не ощутил даже стыда, я снова начал жить, стыд пришел намного позже...

Я стоял, словно рожденный заново; теперь уже не я, а сама жизнь смеялась над своей противоположностью и торжествовала, круша равновесие, и словно хвасталась своим никому не известным преимуществом над самим временем, над самой смертью. Я не ощутил тогда даже границы этой моей перемены — мальчишка, нашкодивший перед жизнью и оскорбивший в ее образе других живущих.

Затих понемногу гром, выдохлась и ушла громадная туча, и выкатилась в тишину луна. Я закатал брюки и босиком, засмеявшись, побежал, упал...

Впереди по дороге мерцали мне светлячки, грязь под ногами была теплая, в лесу густо пахло то папоротником, то ольхой, а у каждой деревни кричали мирные хорошие дергачи, и все приобрело свой прежний необъяснимый смысл.

Настоящая публикация неизвестного рассказа В.И. Белова интересна с точки зрения истории литературы и относится к начальному периоду творчества классика русской литературы. Это произведение ранее не публиковалось и находится на хранении в Вологодской писательской организации.

АНТОЛОГИЯ ВОЛОГОДСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Клюев Николай Алексеевич (1884–1937) родился 10 (22) октября 1884 в селе Кошуге Вышегородского уезда Олонецкой губернии, одной из глухих деревень русского Севера, в крестьянской старообрядческой семье традиционно крепкого морального закала, что оказало большое влияние на характер и творчество будущего поэта. От своей матери, Прасковьи Дмитриевны, унаследовал любовь к народному творчеству — к песням, духовным стихам, сказам, преданиям. Она же научила его грамоте. В 1893–1895 Н. Клюев учился в церковно-приходской школе, много занимался самообразованием. Затем перешел в двухклассное городское училище, после окончания которого в течение года учился в Петрозаводской фельдшерской школе. Ушел по болезни. В 16 лет, надев на себя вериги, ушел «спасаться» в Соловки, затем подвизался в роли псаломщика Давида в раскольничьем «корабле». Странствия по России, участие в движении сектантов, носившем в те годы отчетливый характер социальной оппозиционности, во многом определили творчество Клюева. Его первые стихи опубликовал в 1904 г. («Не сбывшаяся радужная греза...», «Широко необъятное поле...»). За революционную пропаганду в 1906 году был заключен в тюрьму. В 1908 в «Нашем журнале» (№ 1) анонимно опубликовал статью «В черные дни». («Из письма крестьянина»), где доказывал «врожденную революционность глубин крестьянства». В 1907–1912 Н. Клюев переписывался с А. А. Блоком, который увидел в Клюеве персонифицированное воплощение своей мечты о единстве двух России, мистически-патриархальной и крестьянско-бунарской, и помог Клюеву издать в Москве поэтические сборники «Сосен перезвон» (1911, 2-е изд. 1913, с предисловием В. Я. Брюсова, где мэтр отметил «первенство» Клюева среди крестьянских самородков). В 1915–1916

Николай Клюев — глава так называемых новокрестьянских поэтов (С. А. Есенин, называвший Клюева «апостолом нежным», С. А. Клычков, П. В. Орешин, В. А. Ширяевец (Абрамов) и др.). В 1916 году поэт выпустил посвященный событиям военных лет сборник «Мирские думы», содержащий главным образом стихи, близкие народным плачам и причитаниям. В 1917–1918 Н. Клюева поддерживала литературная группа «Скифы», в ее одноименном альманахе Клюев в эти годы опубликовал циклы «Земля и железо», «Избывные песни» (посвящен матери, «былиннице» и «песеннице») и др. После публикации поэмы «Деревня» (1927) Клюев был подвергнут резкой критике за тоску по разрушенному сельскому «раю» и объявлен «кулацким поэтом». Ноты «кулацкого протеста звучали в известных по фрагментам поэмах Клюева «Соловки» и «Погорельщики», 1927; в опубликованной в 1991 поэме «Песнь о Великой Матери», проникнутой автобиографическими и провиденциальными мотивами, в стихотворном цикле «О чем шумят себе кедры» (1933). В 1932 из Ленинграда, где он жил с начала 1910-х годов, Николай Клюев переехал в Москву. В 1934 был арестован и выслан из Москвы сроком на пять лет в город Колпашево Нарымского края Томской области. «Я сослан за поэму «Погорельщина», ничего другого за мной нет», — писал он из ссылки. К середине 1934 Клюева переводят в Томск, где он продолжал много писать, несмотря на подавленное состояние духа и болезни. Мучительно переживая свой вынужденный отрыв от литературы, он писал: «Не жалко мне себя как общественной фигуры, но жаль своих песен-чел, сладких, солнечных и золотых. Шибко жальт они мое сердце». 5 июня 1937 полупарализованный Николай Клюев был арестован в Томске «за контрреволюционную повстанческую деятельность». Сибирское НКВД сфабриковало дело о церковно-монархической организации «Союзе спасения России», готовившем якобы восстание против советской власти, в котором роль одного из вождей приписывалась Клюеву. Между 23 и 25 октября 1937 Николай Клюев был расстрелян. Реабилитирован посмертно.

* * *

Прохожу ночной деревней,
В темных избах нет огня,
Явью сказочною, древней
Потянуло на меня.

В настоящем разуверьясь,
Стародавних полон сил,
Распахнул я лихо ферязь,
Шапку-соболь заломил.

Свистнул, хлопнул у дороги
В удалецкую ладонь,
И, как вихорь, звонкогоний
Подо мною взвился конь.

Прискакал. Дубровным
зверем
Конь храпит, копытом бьет, —
Предо мной узорный терем,
Нет дозора у ворот.

Привязал гнедого к тыну;
Будет лихо али прок,
Пояс шелковый закину
На точеный шоломок.

Скрипнет крашенная ставня...
«Что, разлапушка,—
не спишь?
Неспроста повесу-парня
Знают Кама и Иртыш!

Наши хаживали струги
До Хвалынщины подчас,
Не иссякнут у подруги
Бирюза и канифас...»

Прояснились избенки,
Речка в утреннем дыму.
Гусли-морок, всхлипнув

звонко,
Искрой канули во тьму.

Но в душе, как хмель,
струится
Вещих звуков серебро —
Отлетевшей жаро-птицы
Самоцветное перо.

<1912>

НАШИ ЮБИЛЕИ

Исполнилось 80 лет известному прозаику, одному из ветеранов Вологодской писательской организации Сергею Петровичу Багрову. Его повести, рассказы, эссе, публицистика, очерки, проза для детей получили заслуженное признание читателей. С. П. Багров — друг Николая Рубцова, написавший о нём книгу «Россия. Родина. Рубцов». В большом зале Вологодской областной библиотеки состоялась творческий вечер юбиляра, куда пришли коллеги-писатели, читатели, гости из районов Вологодчины. Тёплая дружеская атмосфера отличала эту встречу. На ней Сергей Петрович представил гостям новые произведения, опубликованные накануне юбилея — сборник «Дорога в рай» (рассказы о Николае Рубцове) и объёмная книга прозы «Красивая женщина», рассказы и повести, написанные недавно.

— Сергей Петрович, как начался ваш путь в литературу, и о чём была первая книга?

— Слишком много было впечатлений от начала самостоятельной жизни. Держать их в себе? Нет. Решил выразиться с помощью пера и бумаги. Сначала через дневник, потом — через стихи. Позднее стал описывать то, что на меня очень сильно действовало. Так постепенно я пришел к очеркам и рассказам. Любил встречаться со стариками, у кого позади не только своя биография. Но и биография страны. Тем паче язык у жителей лесных поселков, колхозных сел, деревенек и хуторков, как Вологодской, так Пермской и Архангельской областей, где я постоянно бывал, очень своеобразный. Было чему у них поучиться. Я и учился. Первую книжку свою «Колесом дорога» я и писал про них и для них, благо понял: старики — это наша история. Особенно, если она коснулась 1918 года, когда главной бедой того времени были человеческие потери. Отсюда великий вопрос: от кого мы пошли? От самых ли сильных? От самых ли слабых? Мой ответ: от тех, кто в те дни уцелел. На этот вопрос я отвечал, наверное, всю свою жизнь. Потому что я знаю истину: нас спасёт от всяких невзгод только родная земля.

— Чувствуете ли вы себя причастным к Вологодской литературной школе? Что думаете о ней? Сохраняют ли традиции нынешние вологодские писатели?

— Вологодская литературная школа. Она, конечно, была. Может быть, и сейчас она есть. Но не думаю, чтобы школа могла породить больших писателей и поэтов. Тот, кто в школе, тот ориентируется на более одаренных, на своих учителей и прославившихся любимцев. А это лишает самостоятельности. Лишает дерзости и способности к самовыражению. Хочется быть таким, как, скажем, Астафьев, Рубцов, Белов, Фокина. А где же ты сам? Твое божество? Твоя превосходящая всех и всё литературную смелость? Если ты не бесстрашен и допускаешь робость и осторожность, то и живешь, как писатель, ограниченный срок.

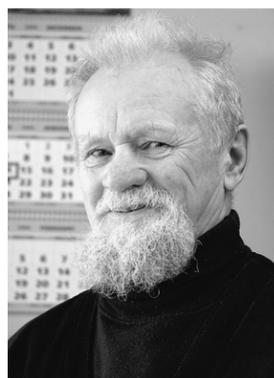
Я полагаю, талант писателя должен делиться не школами, не союзами, не дружным кланом единомышленников, а временем. Книга, если живет столько, сколько и сам писатель, обречена на забвение. Век её должен быть долгим. Она обязана пережить сочинителя. Примеров этому тьма. Один из них — Николай Рубцов. Стихам его за 60, и более лет. А они свежи, и читаешь их, как в первый раз. Можно ли относить Рубцова, Белова, Астафьева, Фокину к какой-нибудь школе? Вряд ли. Они без нее достаточно оригинальны, читаемы и самобытны.

Однако школа сплачивает в чем-то едином. В патриотизме. Верности Родине. В стоянии

детского писателя. Почему вы стали писать для детей? Продолжаете ли это сегодня?

— Еще в дошкольные годы, когда шла война с фашистской Германией, я с друзьями-малолетками любил изображать Геббельса с Гитлером. Для нас это было очень необходимо. Благо верили мы в силу добра, в справедливость, в то, что Геббельсы будут посрамлены. Любил пить чадушки, которые обещали сытую жизнь.

Конь вороной,
Белые копыта.
Скоро Гитлера убьем —
Поедим досьета...

«Нас спасет родная земля...»

против сил, разрушающих явно и тайно нашу страну. В этом у школы — явная сила.

— Вы родились в древней Тотме, там же учились в техникуме, работали в старинном Белозерске, окончили университет в Перми, много ездили по России. Как это отразилось в творчестве?

— Тотма — это моя любовь. Главным образом, из-за детства. Возвращаюсь в него постоянно. Возвращаюсь и в белозерские леса, где впервые начал работать. Всё, что в первый раз — то и значительно. И хочется выразить это особенными словами. В первый раз — это и риск, и надежда, и какой-нибудь грех, и обязательное желание стать во многом лучше, чем ты сейчас есть. Учеба в Перми в университете, к сожалению, не обогатила меня ничем. Наверное, и без учебы я был бы таким, какой есть. Обогащение же духовное, а вместе с ним и взрослые подарили мне всевозможные передвижения. Будь они в отрогах Тянь-Шаня, в пермских ли ельниках, или на вологодских проселках — всюду они готовили для меня непредсказуемые встречи. Они и стали главными поставщиками сюжетов еще ненаписанных рассказов и повестей. Десятки блокнотов передо мной. А в них — трепещущие слова многоголосого русского стана. Словно сама Россия глядит на меня с похлужих страничек. И я, как затерянный странник, опять ощущаю себя в дороге, которой иду, не спеша, к чуть теплеющему закату, словно к алому лебедю, опустившемуся в лугах.

— Читатели знают вас и как прекрасного

Оттуда, из детства меня постоянно ловят цепкие руки. Видимо, это от сильного притяжения к тому времени, в котором осталось главное ребяческое богатство — искренний смех, игры, резвость и бесшабашность. Возвращаясь в детство, наполняешь себя мечтой — быть таким, каким ещё не был. Картины из детства волнуют. Хочется передать и то, как ты летишь с мартовской крыши в снег. И то, как впервые плывешь за реку с надеждой вернуться назад и не утонуть. Все то, что было опасно, и притягивало к себе. Даже поход в нежилой поселок, где обитают пришедшие из Смоленских лесов дикие свиньи, несмотря на огромный риск, был для меня соблазнительен. Приключения. Изумления. Открытия новых миров... Полагаю, писателю выдумывать что-то особенное, не обязательно. Стоит лишь вспомнить минувшее, давности милой поры. Сколько было всего! Наверно, поэтому я и решился в прошлом году написать рассказы о странствиях сорванцов. О наших дорогах туда, куда родители не пускают.

— Что вы думаете о нынешнем состоянии русской литературы?

— Положение в русской литературе не простое. Нет негласного капитана, каковым в своё время был и Рубцов, и Белов, и Распутин, и Кузнецов. Но это не значит, что наступила пора литературного прозябания, что в рынок будут выходить лишь заурядные книги. Есть, убежден, немало высокохудожественных произведений, которые если и дошли до прилавка, однако авторов

их читатель не знает. А надо, чтоб знал! Кто поможет читателям разобраться: что им сегодня читать и что не читать? Наверное, критик, а может, и сам читатель. Нынешние таланты — это так очевидно — в забвении. Мало того, написанные, но не изданные книги, лежат в большинстве своем в ящиках писательских столов. Разумеется, есть среди них и такие, которые всех нас ошеломят.

— Сергей Петрович, вы были знакомы с замечательным поэтом Николаем Рубцовым, учились с ним в техникуме в Тотме, дружили, были одноклассниками; Рубцов родился 3 января, а вы — 8 января 1936 года. Что вы думаете о тех авторах, которые пишут о Н. М. Рубцове?

— В 2005 году я выпустил книгу о Николае Рубцове под названием: «Россия. Родина. Рубцов». И вот, как бы чувствуя себя должником перед лириком, накануне его 80-летия, продолжил её написание. «Дорога в рай» — так назвал я продолжение воспоминаний. Главная их цель — закрыть как можно больше «белых пятен» в биографии поэта. Я знал, что свидетелей жизни Рубцова почти не осталось. Я же высказался о нём не до конца. И было бы крайне досадно, если бы наш русский читатель недополучил в познаниях о поэте то, что мог бы дополнить. Потому и поторопился рассмотреть портрет Николая Михайловича как можно полнее.

— Я всегда приветствовал и приветствую документальную прозу о Николае Рубцове. Благо она дает нам возможность об этом загадочном человеке узнать если не все, то почти все. Загадочном — я не оговорился. Рубцов и сам зачастую не знал, что с ним случится в данный день или час. Ибо всеми его поступками зачастую руководил импульс сиюминутных эмоций, а то и мощнейших переживаний. Он мог вдруг ни с того, ни с сего взять и поехать из Москвы в Вологду. И деньги с собой есть, а билет на паром или поезд не брать. Казалось, он искал на свою голову лишние приключения. В чем причина таких порывов? Никто толком не знает и вряд ли узнает. Тем не менее, находятся проворные перья, готовые объяснить все нюансы его поведения. И прибегают при этом к вымыслу, а то и к строчкам его же стихотворений, находя в них подтверждения своей фантазии. Но ведь заложенное в поэтической строке и имевшее место в жизни — две несовместимые величины. Вымучивать из себя картинку жизни поэта, каких не было у него — это в лучшем случае, вводит читателя в заблуждение. В худшем — клеветать на него. Не знаешь о чем писать, стало быть, не пиши. Лично мне таких «открывателей» Николая Рубцова просто-напросто жаль.

Беседу вел Геннадий САЗОНОВ

Вологодская писательская организация и редакция «ВЛ» сердечно поздравляют Сергея Петровича Багрова с юбилеем и желают крепкого здоровья, новых прекрасных книг!

К 65-ЛЕТИЮ ПИСАТЕЛЯ

1.

Я УЧИЛСЯ в большом районном поселке Шексна километров за десять от родного дома. Нашу деревенскую семилетку, которая располагалась в добротном двухэтажном доме купца и череповецкого городского головы Милютина, власти превратили в начальную, и нам с пятого класса пришлось покидать родные дома.

В поселке том день и ночь кипела гигантская стройка. По улицам, сотрясая дома, сновали груженные бетоном самосвалы и перевозившие грунт скреперы, похожие на исполнинских кузнециков. В русле большой реки гремели и стонали землеройные снаряды. По ночам над поселком шарил по темному небу длиннорукие прожекторы башенных кранов, и оно, словно грозное, озарялось вспышками электросварки.

На реке строили гидроэлектростанцию и шлюз большого искусственного канала. В народе с тревогой тогда говорили, что скоро наши деревеньки, стоящие по берегам, могут оказаться под водой, как уже ушли под воду Рыбинского водохранилища сотни деревень и целые города.

А газеты писали, что скоро Шексна превратится в город Пятиморск, который каналом своим соединит сразу пять морей, что люди будут жить в благоустроенных квартирах с горячей водой и центральным отоплением.

Будущее беспокоило и волновало. Родной деревни было до слез жалко, поэтому лишней раз хотелось побывать дома. И мы бегали из интерната домой при каждом удобном случае, не страшась расстояния и погоды.

Однажды в середине зимы по каким-то делам я припозднился в интернате, товарищи мои много раньше ушли в деревню, а я только под вечер отправился на положенный школьнику выходной.

И вот шагаю я в деревню, а мороз уже выстоялся изрядный. Высыпало на небо звезд не считано. Сяют они, как гирлянды на новогодней елке. Снег от мороза не скрипит, а буквально визжит под ногами. Прибавляю ходу, нос в шарфе прячу, уши — под воротником. Скоро уж и поселок из виду скрылся, одна только огненная шапка над ним в небе осталась. Думаю, часа за полтора добегу до родного крыльца.

Правда, я тогда не один был. Рядом со мной бежал дружок мой веселый — уши торчком, хвост колесом — шестимесячный щенок по кличке Пыжик. Но в деревне его звали Котопсом. В прошлое воскресенье увязался он за мной и жил неделю под интернатским крыльцом, дожидаясь хозяйина. А теперь радовался, что домой идем, забегал вперед, в глаза заглядывал, хвостом накручивал.

Я его предыдущим летом завел. Заработал на заготовке ивового корья полтора рубля и купил у печника дяди Миши Колесова щеночка. У того собачка Кукла жила, уж такая разумная, что только не разговаривала. Из щенка этого должен был вырасти толковый пес.

Когда я брал его, он еще совсем маленьким был, мамку сосал, и я рассчитывал докормить его козьим молоком из соски. Опыт по выкармливанию малышей у меня был: года два назад выкормил так трех котят, у которых кошка погибла.

И вот занес я в дом щенка и уже устроил его в углу на подстилке и вставить начал, как тут что-то мелькнуло в воздухе, и я буквально на лету перехватил нашу кошку Муську. С диким воем бросилась она с пачки защищать своих котят.

Тут же руки мои были изодраны в кровь ее когтями. Но я не выпустил разъяренную Муську и сумел выбросить ее за дверь. Но тут же она ворвалась в дом через подполье, и опять руки мои были исполосованы когтями.

Я не спал всю ночь. Казалось, что нашу кошку невозможно примирить с появлением щенка. Но под утро я ее поймал и накрепко запеленал ей ноги бинтами. А потом подложил к котяткам, которые тут же принялись ее сосать. Через минуту подсунил и щенка. Тот не растерялся и присоединился к компании. Кошка извивалась, страшно завывала, но бинты не позволяли ей пустить в ход когти. Утром она уже смирилась со своей участью, приняв в свою семью еще и щенка.

И так месяца два столбовался этот «котопес» Пыжик на кошачьих харчах, подрастая не по дням, а по часам. Скоро он уже

больше кошки был. Поймает ее на дворе за шиворот, несет на подстилку, положит ее и сосет... Вся деревня приходила на это чудо глядеть... Потому и прозвали моего Пыжика Котопсом, да он и не обижался.

...До Большого Леса было еще далеко, темнеть начало. А мне нужно было пройти две недружественные деревни: Костенское и Братовец.

Ребята из этих деревень воевали с нами давно. И когда мы возвращались из интерната по субботам, они караулили нас, чтобы подрались. Если мы шли всей гурьбой, противники наши не решались затевать сражение, а только провожали от деревни до деревни, обстреливая снежками, но если нас было мало, или ты шел один, тут уж держись: скоро по заливку находят, а то и нос расквасят для порядку... Но и мы им спуска не давали: только сунутся чужаки в нашу деревню, вся ребятня боевой «сбор трубит».

Наверное, сегодня для кого-то покажутся странными и удивительными такие нравы, только у нас никто обиды друг на друга не держал: ни маленькие, ни большие ребята. Каждая деревня тогда защищала свои пределы от вторжения чужаков. Может быть, потому Россия и сильна была

сних. Попасть туда можно было, только зная тайные тропы и дорожки через зыбучие трясины.

Будто было в том селе всего вдоволь: и хлеба, и молока, и меда, и холстов, что жили там счастливые и свободные люди, своим трудом украшавшие землю.

Рассказывали, что еще в незапамятные времена нашелся недобрый завистливый человек и привел отряд княжеских воев на Великое Село. И будто бы ушло оно из глаз воров, как провалилось сквозь землю. А княжеские слуги заплутали и потонули в болотах.

С тех пор, говорили в деревне, будто слышат люди, собирающие на болоте ягоды, или покосники на дальних лесных полях время от времени то колокольный звон, то шум водяной мельницы, то доносятся чуть слышно песни праздничных игр... А видеть то Великое Село больше никому так и не доводилось... И порой в мечтах своих грешил я таинственным Великим Селом, страстно желая увидеть его хоть одним глазком.

Вышла луна, стало светло, как днем. С волнением и трепетом я вступил под своды волшебного украшенного Большого Леса, заиндевшего и оцепеневшего от мороза. Мне было немного страшновато, но одно-

Анатолий ЕХАЛОВ

ДОРОГА
К ДОМУ

(Из повести)

боевым духом своим в защите и большой, и малой родины.

И все же я рассчитывал, что смогу незаметно просочиться деревнями: темно, да и морозно засады устраивать. Но ошибся.

В Костенском вывалили из проулка трое ребят и пошли за мной следом до другой деревни, которая желтела огнями в километре через поле.

Можно было броситься в бега и оторваться от преследователей. Но показывать неприятелю свою слабость было противно, и я пошел к следующему деревенскому реду. Не доходя до Братовца, я увидел, как от темнеющих на фоне звездного неба домов выдвинулись еще три фигуры и преградили мне путь.

Я остановился. И тут сзади догнал меня увесистый удар, от которого я ткнулся лицом в снег. Тут же на меня кто-то навалился, но я изловчился и вывернулся, оставив внизу нападающего. Меня окружили, я тяжело дышал, готовясь встретить новую атаку.

По мой верный Котопес, ощерился, залаял, срываясь на визг, и попытался укунить первого парня, стоящего передо мной.

Ребята попятнулись. Я позвал Пыжика к себе, готовый к новой атаке.

— Чего делать-то будем? — сказал старший парень в фуфайке и шапке с заломленными назад ушами. — Если по-честному, то надо один на один. Вот Венька тебя стукнул, так с ним и дерись.

Вытолкнули Веньку, который, как я увидел, не горел большим желанием драться. Но деваться было некуда. Мы сцепились и покатались по снегу. Скоро я был уже наверху. Венька хлопал расквашенным носом.

— Ну, все по-чесноку, — сказал старший парнишка. — Только мы вас, потеряевских, все равно колотить станем, если через нашу деревню пойдете.

Я ничего не ответил, поправил почти пустой рюкзак на спине и пошел дальше. Впереди уже темнел елками на фоне звездного неба Большой Лес.

2.

Он был и на самом деле большим этот лес. Километра на четыре тянулся вдоль дороги, а крылья его уходили в стороны на десятки километров. Старики рассказывали, что когда-то в этом лесу стояло большое и богатое село Великое, увидеть которое редко кому доводилось.

Пряталось село от злых глаз кочевников, частенько навевывавшихся в эти края, от разбойников и ненасытных слуг княже-

временно покойно и радостно, словно лес этот был моим домом, который хранит от всяких внешних невзгод.

Я прошел, наверное, километра полтора в звенящей тишине. Время от времени пушечно лопались от мороза стволы деревьев, не успевших избавиться вовремя от лишней влаги, да скрипел снег под моими валенками. Еще километров пять... — и засветятся в ночных полях окна родной деревеньки.

И тут в глубине леса раздался леденящий душу крик:

— Пу-у-го-о!

Этот крик, как удар колокола, отозвался во всех концах леса и вернулся обратно.

— Пу-у-го-о!

И вслед за этим криком по лесу раздался злобный раскатистый смех:

— Ух-ха-ха-а!

Сердце мое скатилось было к пяткам, но тут же вернулось.

— Это же филин кричит! — догадался я. — Филька перелешается!

Я снова пошagal по скрипучему снегу к дому.

Этого филина знала вся наша деревня, хотя он и жил в дупле огромной ели Большого Леса, которой было уже лет триста.

Он жил одиноко. Не поддерживал отношений ни с кем из обитателей этого хмурого елового леса. Многие обитатели были для его просто пищей: мыши, летучие мыши, птицы.

И только по весне в гулких сводах освободившегося от снега леса леденящими криками подавал он весть своей пернатой ушастой братии, что еще жив и готов к продолжению рода.

У него была хорошая память. Он много знал и помнил. Однажды его подстрелил охотник, перебив свинцовой дробью крыло. Филин спрятался в зарослях молодого ельника так, что собака охотника не могла добраться до него. А нашел его уже обескровленного и измученного наш деревенский пастух дядя Паша Велесов, ходивший в лес за убежавшей коровой.

Он посадил филина, уже не способного сопротивляться, в рюкзак и вынес домой в деревню. Одна ушастая голова торчала из рюкзака, но и она вызвала переполох пернатого населения деревни: кур, ворон, ласточек и сорок. Они тучей носились над пастухом и сидевшим в рюкзаке филином и заполошно кричали. Но пастух в обиду своего нового лесного товарища не дал.

Дома он вправил филину крыло, сделав из лучинки шину, чтобы быстрее срослись кости. Накормил рыбой, напоил водицей... Так между человеком и птицей возникло особое доверие.

Оставлять дома раненую птицу Велесов не решился, и утром филин отправился на правом плече пастуха в поскотину, вцепившись в фуфайку своими железными когтями. Он был роскошно красив: мраморный с голубым отливом и с темными вкраплениями, луноликий с огромными оранжевыми глазами и задорно торчащими ушными перьями над головой.

Филин не так хорошо видел в утреннем свете, как ночью, мир представлялся ему размытым, и он крутил головой, пытаясь разглядеть его получше.

Через неделю филин уже начал подниматься на крыло. В ночном, когда пастух со своей собакой дремал у костра, филин заступал на дежурство. Он садился на изгородь и обзирал ночные окрестности. Ничто не ускользало от его всевидящих оранжевых очей, ни мышь-полевка на земле, ни летучая мышь в воздухе.

Он увидел, как вышла из лесу к стаду, хоронясь в кустах, знакомая волчица, владычица Кашеева логова. Она была тоща, шерсть на ней висела клочками, голодные глаза сверкали в ночи, а с оскаленной пасти скатывалась слюна.

Выждав момент, бросилась она на теленка, и вслед за ней метнулись к стаду молодые волки. Теленок, сбитый с ног, жалобно зареял, трубно заревела корова-мать. Опустив рога, она устремилась спасать телка, атакуя волков. Но нападающих было много, и они не позволили корове прийти на выручку, хватая ее за ноги и преграждая путь.

И тут филин, сидевший на изгороди, взмыл неслышно над землей и, стремительно пролетев над стадом, вцепился в волчицу железной хваткой.

Волчица бросила теленка и, стремясь избавиться от птицы, перекадилась через голову, подминая собой филина, но это не спасло ее от капкана когтей.

На шум прибежал пастух, вооруженный одним лишь посохом.

Велесов ударил волчицу посохом. И та, развернувшись, щелкнув в ярости зубами, побежала к лесу. Филин все еще не отпускал свою жертву. Вслед за ней трусливо, поджав хвосты, помчались остальные волки...

— Пуго! — закричал пастух. — Оставь их.

Филин словно понял своего спасителя и, разжав когти, взмыл в ночное небо.

Волки под свист и улюлюканье пастуха улелетывали к лесу.

Пуго давно знал эту разбойную семейку. Она обитала за большим Ваневским болотом на Кашеевой согре в завалах буреломов. Когда выходили они на своей промысел, ничего живого в лесу не оставляли, разоряя гнездовья птиц, устроенных на земле, давая без пощады и счету молодью кабанов и лосей, загоняя в трясины взрослых секачей и сохатых, которых в открытом бою им было не взять... Не брезговали они и деревенскими собаками, таскали овец и ягнят, нападали на телят и даже на лошадей...

Они выходили из болота по Старой Гати, которая была устроена когда-то крестьянами из кондовых сосновых стволов, казалось бы, не подверженных гниению. Но против болот не устояло даже сосновое смолье. Гать со временем местами иструхла, и дорога эта стала таить в себе опасность для путника навеки погрузиться в болотную пучину.

В самом дальнем углу Болота, куда иной раз заносили филина крылья, был остров, на котором когда-то обособленно и замкнуто жили люди. Может быть, это и было то самое таинственное Великое Село, про которое даже Пуго почти ничего не знал.

...Крыло у Пуги скоро совсем поправилось, и Велесов вечером отнес его в лес. И снова Пуго стал жить в дупле старой ели, по ночам охотясь на мышей.

3.

И вот шагаю я лесом, тороплюсь.

— Пу-у-га-а! — снова раздалось в лесу. Но я даже не вздрогнул на этот раз.

Чего мне бояться нашего деревенского филина? Но не прошел я и половины Большого Леса, как совсем рядом раздался волчий вой, да такой, будто целый хор голодных на спевку собрался...

Волки! Пыжик сразу сунулся мне в ноги, хвост поджал, скулит жалобно. Видимо, встречался с ними в прошлой жизни...

Чего делать? До деревни еще километра четыре, не добежать...

Поддавая страху, я прыгнул с дороги в снег и начал пробиваться по сугробам к большому елкам, хорошо они росли рядом.

• Окончание на 9-й стр.

ВЕСЕННИЕ НОВЕЛЛЫ

Николай АЛЕШИНЦЕВ

ВЕСЕННИЙ МЕСЯЦ

ТАК уж заведено, что весна, перед тем, как полностью вступить в права, ставит марту незавидную задачу, — «разведку боем». И помчатся по иссиня-белым полям конные полки метели; всё проверят, везде заглянут, выгонят зимнюю стужу из расщелин обрывистых речных берегов, из пазах болотных отнорков и лесных сузёмов. Огрызнётся зима холодом, мало уступающим январскому. Но весна в помощь верно-му своему слуге отпустит гулять по ободку синей чаши весёлое солнышко. Обрадуется март: запалит снега, прозвенит хрустальными горошинками капели, а иногда и дождиком польёт.

Правда, «в марте дождь, так в мае дрожь», — говорят знающие люди. Посветлет лес. На малиновых веточках приречного краснотала качнутся навстречу солнцу бархатистые зайчики вербашек. И останутся от зимы разве что морозные утренняя. Но и их северный мужик приспособит к делу. Выйдет из избы, потянется и, не теряя зря времени, примется колоть дрова. В мороз они звонко лопают от мелкого удара сильных рук. Пять минут работы, и уж летят прочь шапка, телогрейка и рукавицы. Пар от работника валит. Посмотрит на это явление утренний холод и быстренько скроется в северном направлении.

Замечательный месяц март: живи себе в предчувствии весенних прелестей, скворцов жди, кошачьи рулады слушай, телегу к летнему сезону готовь. Но сунуло кого-то именно в марте женский праздник установить. Оно, конечно, логика кое-какая есть; манерами, да капризами женщины марту родные сёстры. Если по ним всё ладишь, то куда ещё ни шло. Но уж если шаг в сторону сделал? Боже милостивый! Спаси и сохрани!

А тут ещё их праздник. Целый день, но можно бы и перетерпеть. Так ведь подготовительный момент иногда суток пятнадцать и больше длится. Мужская половина трудоспособного населения до тёмных кругов у глаз посещает осточертевшие при совместной жизни дамские магазины, пытаюсь ответить на вопрос: «Что хочет женщина?»

Ева, помнится, желала, чтоб Адам откусил от яблока. Ох, и «штучка» была. Истерику, наверное, в раю закатила. Понимала, что конкуренток у нее нет, и мужику деваться некуда. Ну, тот и куснул, чтоб не упрекали в сердечной недостаточности. Посоветоваться-то не с кем. Мужиков,

которые знали, что бабам потакать опасно, тогда ещё не было. Вот и получил; «в поте лица своего, будешь добывать хлеб свой». Оно, конечно, теперешние наши спутницы каждый день яблоки не суют, но все органы чувств, при общении с ними, остро держать надо. Тяжело с ними, но, что интересно: притрёшься как-то, попривыкнешь, по одной половине годами ходишь, а крушения избежишь. Да, какая-никакая, и польза от них есть. Пуговицу, к примеру, пришить. Посуду вымыть. Детей где-то возьмёт, да сама и вырастит. Эти дела без них совершенно некому было бы поручить. В общем, пусть будут. И восьмое марта, хотя я этот листок календаря ещё в январе удаляю, пусть тоже остается. А ещё вот какая метаморфоза; именно в этот день, сосед мой подслушал: они нас друг перед другом хвалят. Вот и попробуй понять эту логику: в глаза только «паразит несчастный», а перед подругами «ангел милосердный». Разговаривают между собой бабоньки, и такие счастливые. Оказывается, не так уж много им и надо. Улыбаются. А исторически доказано, что улыбающиеся женщины — самые безопасные.

В конце марта под проснувшейся медведицей вздохнёт оседающий наст. Зверь, высоко подняв голову, сквозь сосновые ветви разыщет созвездие небесной родственницы и, ориентируясь по нему, начнёт свой путь, полный тревог и исканий. А пара маленьких, чуть больше рукавицы, медвежат, засемят возле материнских лап, стараясь не отставать от своей спасительницы и кормилицы.

Всё ещё выясняющие отношения волки взвояют на кромке поросшего мелкой сосной болота. Услышав угрозу в голосах серых разбойников, прижмутся к деревьям и дорогам лоси. Лисы перепутали день с ночью, и на пару, а то и втроём мышкиют на виду у проснувшейся деревни, в каких-то двадцати метрах от домов.

Трепыхнётся в сосновых ветвях огромный глухарь. Что-то беспокойно ему стало в мартовское утро. Пройдётся по ветке. Прислушается и сначала осторожно, с большими перерывами, потом всё смелее и смелее начнёт свою древнюю песню. Слетит на наст, расфуфырится, закружится в ритуальном танце, и все в лесу поймут, — вот она весна-матушка. Дятлы, не щадя головы своей, займётся устройством дупла. Пулемётная дробь и красное пятно на затылке пернатого франта притягивает самочек. Ждут, когда отстроятся апартаменты. Перелетают, торопят, да ещё и замечания делают.

В сумраке хлева появится у коровы телёнок, обязательно «Мартик» или «Марта», на вторые сутки уж вполне самостоятель-

ным жителем взбрыкнёт от радости, а колы хозяйка позволит, выскочит вместе с мамкой на улицу и обомлеет на миг: как интересно вокруг. Нет на Руси памятник корове. Но повсеместно генералами и нищими до седых волос вспоминаются добрые, безропотные бурёнки, спасшие их в голодное детство. Двадцатого марта — день весеннего равноденствия. С этого времени начнётся победное шествие сил добра и света.

А в конце марта под речным льдом тоже почувствуется весна. И, истосковавшись по родным нерестовым местам, двинутся вверх по течению отяжелевшие от икры рыбы. Не чудо ли: совершенно не сказочная штука, без всяких там навигаторов устремится в то заветное местечко, где когда-то появилась и она сама. Зная это, трудно согласиться, что чувство родины — только блажь стареющего поколения...

А март честно выполнил возложенную на него задачу, — разведка состоялась. Пришел на оголившийся от тепла пенёк. Осмотрелся. Кажется, порядок. Придёт апрель на заранее подготовленные позиции. Спасибо скажет. И с улыбкой привидится ему женский праздник, первые прилетевшие грачи, удивлённые темно-карие глаза влюблённого в мир телёнка. Уйдёт ночью, не прощаясь. «Дальние провода — лишние слёзы». Уйдёт, даже не представляя, сколько радостей и новых надежд оставит он нам, открыв путь долгожданному ласковым ветрам весны. Спасибо, март!

Николай УСТЮЖАНИН

СЕКРЕТ

В НЕЙ было что-то необычайное, такая жизнерадостность, открытость светилась в её глазах, что я буквально обжёгся об их сияние... Весь её облик проник мне в душу мгновенно: девушка в цветущем возрасте, лет двадцати пяти — двадцати семи, с лицом, на котором выделялись серые глаза и широкие, удивленно изогнутые брови. А еще синяя блузка с тёмными обтягивающими джинсами, чуть приоткрывающими ступни в туфельках на шпильках... Улыбка её казалась такой родной, теплой, что у меня оттаяла душа, и я неожиданно для себя произнёс:

— Когда я вижу вас, мне хочется жить.

Я глядел ей прямо в глаза, но она, вспыхнув, не отвела взгляда:

— Приходите... приходите еще к нам, будем рады.

— Вы работаете без выходных? — Я торопился узнать всё и сразу.

вы на соломенных подстилках лежат. А одна в тесовой загородке стоит, смотрит на меня внимательно и призывно так мычит.

Отвернул я вертушок — и к ней в загородку. Соломы там было по колено, а в соломе теленок лежит, и тоже на меня внимательно смотрит... Я опустился без сил рядом с ним, к теплоте его боку прижался, а с другой стороны корова привалилась, горячая, как печка. И стало мне сразу легко и спокойно. Уснул, как в омут провалился.

И снилось мне явственно, как будто стою я на улице посреди деревни, в небе луна светит прожектором. Так светит, что все видно, как днем. Урони иголку и ты найдешь. И чувствую, что словно какая-то неведомая сила поднимает меня над землей.

И вот я уже пару над деревней, над заснеженными крышами ее, над оцепеневшими, похожими на крахмальные простыни полями, лесами в снеговых шапках, над извилями рек, мельничным омутом, на котором сидит стая волков, подняв к небу морды, и воет в тоске на луну...

А неведомая сила уносит меня дальше и дальше к темным борам и бескрайним, выбеленным снегами болотам, и вижу я, что среди этих болот с редким мелколесьем загадочный остров, словно изнутри светящийся теплым золотистым светом... Огненный!

И я вижу, среди заиндевевших сосен рубленые дома-терема, с высокими крышами, украшенными резными коньками, с резными крыльцами, светящимися окнами в деревянном кружеве... Вижу ледяные горы, по которым лихо катаются парни и девчонки, вижу катящееся под гору колесо в круге полыхающего огня...

И невесомое тело мое подхватывает воздушный поток и уносит меня в безбрежные

— Нет, с понедельника до пятницы, с девяти утра.

— Тогда буду на днях, у меня для вас есть подарок.

— Да-а? — Она смутилась, но не смогла сдержать любопытства. — А какой?

— Это пока секрет... Какие у вас, однако, длинные ресницы.

В её взоре промелькнула счастливая искорка, но она быстро взяла себя в руки:

— Спасибо.

— Вы мне сразу понравились.

— Вы мне тоже, — неожиданно просто и честно ответила она, как ребёнок отвечает взрослому.

Через день я принёс ей свои книги. Я спешил, но успел взять у неё обещание прочитать их внимательно:

— В них моя душа.

Неделю спустя мы сидели в кафе напротив, и она, притихшая, говорила слова, которые не забыть уже никогда, до последнего дня:

— Я читала и видела вас таким, каким вы были у нас в первый раз... Я знала, что вы такой.

— Какой же?

— Такой... Настоящий. Я верю вам... А мне вы верите?

— Как себе.

— Вот и я так же... — Она вдруг покрылась румянцем, опустила свои ресницы, так волнующие меня.

Мы гуляли вдоль реки, в парке с заброшенными детскими аттракционами, и я собрал букет из жёлтых и красных осенних листьев:

— Это вам.

— Спасибо. — Голос её дрогнул, наши лица сблизилась, и я произнес банальную фразу, чтобы скрыть свою неловкость:

— Расскажите о себе.

Она медленно и грустно листала странички недолгой своей жизни, а я, почти не вникая в детали — в России грустна любая судьба, — старался запомнить её образ, зная, что все это может исчезнуть так же быстро, как и появилось...

Мы не могли быть просто друзьями, — слишком нежными оказались чувства. И не могли быть вместе, — мы не были свободны. У нас не было будущего, но мы стремились встретиться ещё и ещё, — хотя бы на день-другой продлить это неожиданное счастье.

Мы были слишком честны друг перед другом и не могли «сжечь за собой мосты». Нам пришлось расстаться, и было не важно, кто сделал этот шаг первым.

С тех пор прошло много лет, но я и доныне не знаю, почему всё это было в моей жизни, и для чего вспыхнули и погасли эти звездные ресницы?.. Только я и сегодня храню их свет в своём сердце.

• Окончание. Начало на 8-й стр.

Подхватил я под одну руку щенка и полез по веткам повыше. А волки — тут, как тут. Меж елок серыми тенями снуют, зубами шелкают.

И вот сижу я на елке и понимаю, что надежды на спасение нет. И что удивительно, не страшно нисколько. Мороз так сковал — себя не чувствую, только щенка к груди прижимаю негнушимися руками. А потом и вовсе теплой стало, вроде бы дрема одолевать начала... Сладкий такой сон, будто дома на перине...

И тут слышу, возле лица моего словно ветерок пролетел. Открываю глаза — филин рядом кружит. Сел на ветку и хохочет.

— Ух-ха-ха!

Прошло немного времени, а у меня глаза опять закрываются.

И тут опять этот хохот. Э-э, да ведь это он мне спать не дает.

И тут вижу: срывается Пуго с ветки и пикирует прямо на волчицу.

Та от него в сторону шархнула, только клякмы шелкнула, пыталась в прыжке ухватить птицу. Да не тут-то было.

Волки, как по команде, в круг сгрудились, ощерились, так что филину стало невозможно нападать на них. Кто-нибудь да успеет перехватить птицу на полете. И тогда останутся от нашего защитника одни перья да когти...

Сидят волки, смотрят на меня голодными глазами, напротив филин на суку оранжевыми глазами сверкает, будто в переглядки с волками играет, и только у меня глаза мои слипаются, веки словно свинцовые...

Я не видел, как исчез Пуго. Я словно провалился в забытие. И в это время руки мои разжались и, слабо взвизгнув, мой Пыжик полетел вниз.

Тотчас внизу раздалось злобное рычание и отчаянный визг щенка. Волки в мгновение ока разорвали его на части. Я был в таком отчаянии, что готов был прыгнуть с елки вслед за ним. И только вид этой кровавой сцены остановил меня.

И тут я услышал, как в морозном воздухе сверлит какой-то звук... И все громче, громче этот сверлящий звук. Оглянулся я: в небе звезд — страсть, а меж ними сполохи играют. А звук все громче, а сполохи все ярче. И тут весь лес во всех его промороженных пределах и углах огласился раскатистым звоном, словно остекленевший воздух на тысячи осколков разбился и засверкал, засиял нестерпимо.

Я понял: это запоздалый трактор возвращался с пожен, видимо, сено вез на коровник с покосов.

Волки словно растворились в сразу потемневшем лесу.

Скатился я с елки, кое-как выбрал на дорожку. Трактор с сеном мимо едет, не видит меня, а у меня и ноги не шевелятся. Стою и реву от отчаяния. А слезы тут же на ресницах леденеют...

Как я оказался на дровнях — не знаю. Будто какая-то невидимая рука подхватила меня и опустила в сани. Закопался я в сено, а в голове уже то ли соловьи поют, то ли филины кричат, то ли волки воют...

Сколько я в этом бреду был — не знаю. Очнулся — трактор стоит, и нет никого.

А мне, видимо, уж совсем невмоготу было, такой озноб напал, что, кажется, вот-вот душа моя отлетит в небеса. И, слышу, кто-то мычит потихоньку, а в ночи двери щелями светятся. Пошарашился я к тем дверям, благо они не закрыты были, и попал на ферму.

Вижу: фонарь горит керосиновый. Коро-

звездные дали, где в Млечном пути вращается звездное колесо миров и галактик...

...Утром, слышу, сквозь сон кто-то меня окликает. Поднимаю глаза: стоит надо мной чудище лесное, лохматое... А мне не страшно нисколько. Пригляделся — так это пастух наш деревенский Паша Велесов в драмом полушубке. Глаза под кочками бровей у него словно буравчики острые. Борода чуть не до пояса седея, волосы до плеч. И сучковатый посох в руке.

— Как хоть ты, парень, попал-то сюда? — спрашивает.

Я сразу не соображу где я, как попал сюда, оробел. Не знаю, что и отвечать.

Только тут Паша улыбнулся в бороду и сказал ласково:

— Пойдем-ка, в сторожку. У меня чай свежий заварен.

И тут в сторожке у водогрейного котла стал я рассказывать Велесову, как на елке от волков спасался, как филин Пуго прилетал и мне уснуть не давал, и на волков нападал, как волки моего щенка разорвали.

Велесов выслушал меня, головой покачал:

— То-то я, думаю, Пуго под окном кричал, в стекло стучал. Вышел скотину доглядеть и тебя обнаружил...

Он погладил меня по голове негнувшейся пятерней.

— Какие испытания-то на тебя, душа моя, выпали. Тут и взрослый бы себя потерял. А ты, видишь, вон, выстоял.

Вологодская писательская организация и редакция «ВЛ» сердечно поздравляют Анатолия Константиновича Ехалова с 65-летием и желают своему товарищу доброго здоровья, дальнейших творческих открытий и, конечно, новых книг!

НА ЗЛОБУ ДНЯ

Виктор БАРАКОВ,
профессор, доктор филологических наук

«Дневник писателя» уже при жизни Ф. М. Достоевского вызвал бурю откликов и воодушевление публики. «Некоторые говорили, что они читают его «Дневник» с благоговением, как Священное писание, на него смотрели как на духовного наставника, другие как на оракула и просили его разрешить их сомнения насчет некоторых жгучих вопросов времени» (1).

С тех пор ничего не изменилось («Все вверх дном на тысячу лет»), на сегодняшние вопросы Достоевский отвечает по-прежнему прямо и с невероятной силой убеждения.

Все мы ощущаем нарастающую тревогу из-за событий последнего времени, мы находимся во вражеском окружении, против нас вводят санкции, взрывают и сбивают наши самолеты, убивают русских на Украине и в Сирии, провоцируют вооруженные конфликты в Донбассе и в турецком Причерноморье.

Что скажет по этому поводу писатель, как оценит обстановку, какой даст прогноз?..

«Все чувствуют, что началось что-то окончательное, что наступает какой-то конец чего-то прежнего, долгого, длинного прежнего и делается шаг к чему-то совсем уже новому, к чему-то преломляющему прежнее надвое, обновляющему и воскрешающему его уже для новой жизни и... что шаг этот делает Россия. (2).

Но, однако же, начиналось дело столь важное, что и для них настали тревожные вопросы: «Россия и Европа! Россия обнажает меч против турок, но кто знает, может быть, столкнется с Европой — не рано ли это? Столкновение с Европой — не то что с турками, и должно совершиться не одним мечом», так всегда понимали верующие. Но готовы ли мы к другому-то столкновению? (3).

И в опасении столкнуться с нею в текущей войне, мы всего более боимся, что Европа не поймет нас и по-прежнему, по-всегдашнему, встретит нас высокомерием, презрением и мечом своим, всё еще как диких варваров, недостойных говорить перед нею. (4).

Иные кричат, что ушло уже время; это Бог знает; для хорошего дела всегда есть время. Да, не выработается ли что-нибудь хоть к весне, не скажется ли что-нибудь окончательно, то есть хоть бы на год? Ведь в Восточном вопросе теперь в Европе дальше как на год никто и не рассчитывает, тем более что и сама Турция вряд ли год простоят. Но дело не в ней, а в том, что после нее останется». (5).

А вот и предсказание:

«Да, Золотой Рог и Константинополь — всё это будет наше, но не для захвата и не для насилия, отвечу я. И, во-первых, это случится само собой, именно потому, что время пришло...» (6).

Мы возмущаемся тем, как ведут себя в военных условиях наши союзники. А что думает об этом Достоевский?..

«Взгляните, кто нас любит в Европе теперь особенно? Даже друзья наши, отъявленные, форменные, так сказать, друзья, и те откровенно объявляют, что рады нашим неудачам. Поражение русских милее им собственных ихних побед, веселит их, льстит им. В случае же удач наших эти друзья давно уже согласились между собою употребить все силы, чтоб из убог России извлечь себе выгоды еще больше, чем извлечет их для себя сама Россия...» (7).

«Не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными! Начнут же они, по освобождению, свою новую жизнь именно с того, что выпросят у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и сделают». (8).

Ф. М. Достоевский пишет: «Теперь Россия уже побывала в Европе и уже сама образованна. Главное же — узнала всю свою силу и действительно стала сильна; узнала тоже, и чем именно она будет всего сильнее». (9).

Великий писатель говорит здесь о силе духовной, мы же поняли эту силу почему-то исключительно как военную, во внешней политике самый главный наш «успех» — война, при том, что искусство дипломатов состоит в том, чтобы ее предотвратить. Союзников у нас нет, только прихлебатели. К тому же, одними бомбардировками противника не сломить, нужна наземная операция, но мы вроде как от нее отказались, а местная армия слаба.

Когда началась сирийская кампания,

многие схватились за голову: «— Что мы там потеряли?!»

А вот что... Мы четыре года наблюдали, как уничтожают Асада, и только потом поняли, что с его падением в этот коридор саудовские конкуренты проведут нефтяную трубу в Европу, и весь наш бюджет превратится в пыль. Вот за что мы расплатились жизнями мирных людей, летевших в самолете над Египтом, и военных в Сирии. За интересы наших финансовых и сырьевых магнатов — вместо того, чтобы поднять промышленность...

Война в Сирии закончится уходом Асада и позорным подписанием какого-нибудь очередного минского соглашения. Все наши войны за пределами России заканчивались либо поражением, либо ничем.

История также говорит, что после неудачной войны обычно происходит революция или переворот...

В этих сомнениях и выводах мы находим поддержку у великого писателя:

«Россия сильна чрезвычайно только у себя дома, когда сама защищает свою землю от нашествия, но вчетверо того слабее при нападении». (10).

Бить первым можно в подворотне, но никак не в политике, где более всего нужны осмотрительность и ум.

Мы двадцать с лишним лет пытались стать великой европейской державой. Какковы же результаты? — Посмотрим у Достоевского:

Достоевский о современности

«Взять уже то, что нам во что бы ни стало и как можно скорее надо стать великой европейской державой. Положим, мы и есть великая держава; но я только хочу сказать, что это нам слишком дорого стоит — гораздо дороже, чем другим великим державам, а это предурный признак.

И чего же мы достигли? Результатов странных: главное, все на нас в Европе смотрят с насмешкой, а на лучших и бесспорно умных русских в Европе смотрят с высокомерным снисхождением. Не спасала их от этого высокомерного снисхождения даже и сама эмиграция из России, то есть уже политическая эмиграция и полнейшее от России отречение... И чем больше мы им в угоду презирали нашу национальность, тем более они презирали нас самих. Мы выляли перед ними, мы подобострастно исповедовали им наши «европейские» взгляды и убеждения, а они свысока нас не слушали и обыкновенно прибавляли с учинной усмешкой, как бы желая поскорее отвязаться, что мы это всё у них «не так поняли». Они именно удивлялись тому, как это мы, будучи такими татарами (*les tartares*), никак не можем стать русскими; мы же никогда не могли растолковать им, что мы хотим быть не русскими, а общечеловеками» (11).

Что же нам делать? А вот что:

«Стать русскими во-первых и прежде всего. Если общечеловечность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу всё изменится. Стать русским значит перестать презирать народ свой. И как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и национальность нашу, так тотчас же начнет и он нас самих уважать...»

«А впрочем, неужели и впрямь я хотел кого убедить. Это была шутка. Но — слаб человек: авось прочтет кто-нибудь из подростков, из юного поколения...» (12).

А пока наша либеральная интеллигенция все воспринимает в штыки, а почему? — Отвечает Ф. М. Достоевский:

«В последнее время многие говорили о том, что в интеллигентных слоях наших, после летних восторгов, явилось охлаждение, неверие, цинизм и даже озлобление. Кроме некоторых весьма серьезных нелюбителей славянского веса серьезных нелюбителей славянского веса, всех остальных, мне кажется, можно бы подвести под две общие рубрики. Первая рубрика — это, так сказать, жидовствующие. Тут стучат про вред войны в отношении экономического, пугают крахами банков, падением курсов, застоём торговли, даже нашим военным бессилием не только перед Европой, но и перед турками, забывая, что турецкий башибузук, мучитель безоружных и беззащитных, отрезыватель мертвых голов, по русской пословице — «молодец против

овец, а против молодца и сам овца», что наивно и окажется. Чего же собственно хотят жидовствующие?... «Порезвились, дескать, и довольно, а теперь бы и опять за дела» — биржевые, разумеется. Вторая рубрика — это европействующие, застарелое наше европейничество». (13).

Коснувшись в 1832 году характера зарождавшегося русского либерализма, А. С. Пушкин пророчески заметил, что в России очень много людей «стоящих в оппозиции не к правительству, а к России» (запись дневника Мухоманова). Истоки гибельного для страны западничества, по словам Ф. Достоевского, — в начале и в середине 19-го века:

Достоевский о Белинском: «Я застал его страстным социалистом, и он прямо начал со мной с атеизма. В этом много для меня знаменательного, — именно удивительное чутье его и необыкновенная способность глубочайшим образом проникаться идеей. Интернационалка в одном из своих воззваний, года два тому назад, начала прямо с знаменательного заявления: «Мы прежде всего общество атеистическое», то есть начала с самой сути дела; тем же начал и Белинский». (14).

О Герцене: «Герцен был совсем другое: то был продукт нашего барства, *gentilhomme russe et citoyen du monde* прежде всего, тип, явившийся только в России и который нигде, кроме России, не мог явиться. Герцен не эмигрировал, не полагал начало русской эмиграции; нет, он так уж и родился эмигрантом. Они

все, ему подобные, так прямо и рождались у нас эмигрантами, хотя большинство их не выезжало из России». (15).

О капитале: «А безжалостность к низшим массам, а падение братства, а эксплуатация богатого бедным, — о, конечно, всё это было и прежде, и всегда, но — не возводилось же на степень высшей правды и науки, но осуждалось же христианством, а теперь, напротив, возводится в добродетель. Стало быть, недаром же все-таки царят там повсеместно евреи на биржах, недаром они движут капиталами, недаром же они властители кредита и недаром, повторяю это, они же властители и всей международной политики, и что будет дальше — конечно, известно и самим еврей: близится их царство, полное их царство! Наступает вполне торжество идей, перед которыми никнут чувства человеколюбия, жажда правды, чувства христианские, национальные и даже народной гордости европейских народов. Наступает, напротив, матерьялизм, слепая, плотоядная жажда личного материального обеспЕчения, жажда личного накопления денег всеми средствами — вот всё, что признано за высшую цель, за разумное, за свободу, вместо христианской идеи спасения... Еврей предлагает посредничество, торгует чужим трудом. Капитал есть накопленный труд; еврей любит торговать чужим трудом! Но всё же это пока ничего не изменяет; зато верхушка евреев воцаряется над человечеством всё сильнее и тверже и стремится дать миру свой облик и свою суть. Евреи все кричат, что есть же и между ними хорошие люди. О боже! да разве в этом дело? Да и во все мы не о хороших или дурных людях теперь говорим. И разве между теми нет тоже хороших людей? Разве покойный парижский Джемс Ротшильд был дурной человек? Мы говорим о целом и об идее его, мы говорим о жидовстве и об идее жидовской, охватывающей весь мир, вместо «неудавшегося» христианства...» (16).

Например, реформа образования в России, подготовленная американскими спецслужбами и реализуемая «агентами влияния» Ливановым и компанией, имеет вполне конкретную цель: переход молодежи на совершенно другую базовую систему ценностей, формирование иного мировоззрения. И тут мы касаемся опять сферы религиозной, потому что прекрасно понимаем, что речь идёт о том, чтобы подготовить людей к принятию глобальной системы управления и мирового верховного правителя.

Ненависть представителей так называемой «либеральной национальности» к России и к православию известна. Вот только некоторые их изречения...

А. ЧУБАЙС: «Что вы волнуетесь за этих людей? Ну, вымрет тридцать миллионов.

Они не вписались в рынок. Не думайте об этом — новые вырастут». <http://www.pravda.ru/politics/parties/sps/46126-3/>

«Я перечитал всего Достоевского, и теперь к этому человеку не чувствую ничего, кроме физической ненависти. Когда я вижу в его книгах мысли, что русский народ — народ особый, богоизбранный, мне хочется порвать его на куски». <http://newsland.ru/News/Detail/id/526092/cat/42/>

М. ХОДОРКОВСКИЙ: «...у такого государства стыдно не украсть». <http://www.echo.msk.ru/guests/290/>

К. СОБЧАК: «Россия стала страной генетического отребья». <http://porco.ru/content/view/1551/1>

Т. ТОЛСТАЯ: «Страна не такова, чтобы ей соответствовать... Ее надо тащить за собой, дуру толстокопую, косную! Вот сейчас, может, руководство пытается соответствовать, быть таким же бл..ским, как народ, тупым, как народ, таким же отсталым, как народ». <http://samsonov.name/trezvy/citay-o-russkom-cheloveke.html> http://duel.ru/201026/?26_1_2 <http://newsland.ru/News/Detail/id/526092/cat/42/>

И. ЮРГЕНС: «Россия мешает русские». <http://www.nr2.ru/moscow/300609.html> <http://marina-yudenich.livejournal.com/561744.html>

В. ПОЗНЕР: «Я думаю, что одна из величайших трагедий для России — принятие православия...». http://community.livejournal.com/russia_politics/31640369.html <http://vladimirpozner.ru/?p=349>

«Я не русский человек, это не моя Родина, я здесь не вырос, я не чувствую себя здесь полностью дома». <http://www.lifenews.ru/news/23177>

Б. СТОМАХИН: «Убивать, убивать, убивать! Россию можно только уничтожить. И ее НАДО уничтожить, — это мера превентивной самообороны рода человеческого от той изуверской дьявольщины, которую несет в себе Россия. Русских надо убивать, и только убивать — среди них нет тех нормальных, умных, интеллигентных, с которыми можно было бы говорить, и на понимание которых можно было бы надеяться». <http://www.pravda.ru/news/politics/05-01-2011/1062839-0/>

А. ТРОИЦКИЙ: «Я считаю русских мужчин в массе своей животными, существами даже не второго, а третьего сорта» ... <http://slon.ru/articles/238959/>

А вот сегодняшние отклики на украинские и турецкие события либералов помельче:

«Кому нужен этот проклятый Донбасс?», «Подумаешь, турки самолет сбили, что ж, на отдых к ним не ездить?», «За убитых парижан сердце болит, а за русских не получается, у них на роду написано в муках гибнуть». <http://svpressa.ru/blogs/article/138194/>

Ненависть к православной вере, атеизм — вот ключ к пониманию либерализма и русофобии всех времен и народов:

«Раз отвергнув Христа, ум человеческий может дойти до удивительных результатов. Это аксиома. Европа, по крайней мере в высших представителях своей мысли, отвергает Христа, мы же, как известно, обязаны подражать Европе». (17).

«Голубой» и «розовый» период современной европейской истории рано или поздно закончится, а что нам делать, Федор Михайлович?..

«На это есть одно магическое слово, именно: «Оказать доверие». Да, нашему народу можно оказать доверие, ибо он достоин его. Позовите серые зипуны и спросите их самих об их нуждах, о том, чего им надо, и они скажут вам правду, и мы все, в первый раз, может быть, услышим настоящую правду». (18).

Именно что в первый раз — за двадцать лет у нас не провели ни одного референдума!..

И в заключение — слова Ф. М. Достоевского о смысле противостояния с Европой и с нашими доморощенными либералами:

«В том-то и главная наша сила, что они совсем не понимают России, ничего не понимают в России! Они не знают, что мы непобедимы ничем в мире, что мы можем, пожалуй, проигрывать битвы, но все-таки останемся непобедимыми именно единением нашего духа народного и сознанием народным. Что мы не Франция, которая вся зависит от бирж своей буржуазии... Не понимают они и не знают, что если мы захотим, то нас не победят ни жида всей Европы вместе, ни миллионы их золота, ни миллионы их армий, что если мы захотим, то нас нельзя заставить сделать то, чего мы не пожелаем, и что нет такой силы на всей земле». (19).

НАША НОВОРОССИЯ

Андрей ЧЕРНОВ: «МЫ ВИДЕЛИ СТОЛЬКО СМЕРТЕЙ...»

«О войне писать трудно... Счастлив, кто не знает ее, и я хотел бы пожелать всем добрым людям и не знать ее никогда, и не ведать, не носить раскаленные угли в сердце, сжигающие здоровье и сон», — говорил Виктор Астафьев.

Война снова коснулась Русского мира, перепав бомбами земли Донбасса. Как видят свою действительность и о чем пишут писатели Новороссии, — беседа с литературным критиком, лауреатом литературной премии «В поисках правды и справедливости», секретарем правления Союза писателей Луганской Народной Республики Андреем Алексеевичем ЧЕРНОВЫМ.

— Как создавался Союз писателей ЛНР?

— Идея создания Союза родилась в первых числах ноября 2014 года. 18 декабря состоялся учредительный съезд, в нем участвовало 12 человек. Руководителем Союза был единогласно выбран известный луганский прозаик Глеб Бобров. Сейчас в нашем Союзе более 30 человек. Конечно, на территории Луганской народной республики писателей и поэтов больше, однако некоторые еще выжидают или просто боятся.

Только сейчас понимаешь, что до войны мы жили легкомысленно, легкомысленно относились к творчеству. Казалось, писатель же — представитель богемы! Однако пришло время, как говорит Глеб Бобров, дать «адекватный ответ историческому вызову».

— Какие достижения Союза за прошедший год Вы бы отметили?

— 2015 год был в России Годом литературы, и мы решили работать параллельно. Когда подводили итоги, насчитали более 70 важных событий в жизни республики, в которых мы принимали участие. Большой пласт нашей работы — издание книг. За год при участии Союза вышли в свет 10 сборников.

Первой нашей книгой стал сборник прозы «Я дрался в Новороссии». Его редакторами стали Глеб Бобров и председатель союза писателей ЛНР Федор Березин. Часть тиража была передана в библиотеки республик, часть свободно продавалась в книжных магазинах России. Хорошо прозвучал поэтический сборник «Ожог». Следом вышел поэтический сборник «Час мужества». Наш товарищ Марк Некрасовский так говорил о нем: «Когда мы писали эти стихи, никто не думал, что их будет кто-то печатать, никто не думал, что их кто-то прочтет, кроме нас самих. Не было ни электричества, ни воды, мины ложились рядом с домом, и было непонятно, доживем мы до победы или не доживем». Кто тогда знал, что презентация сборника «Час мужества» состоится в стенах Государственной Думы РФ.

Еще одна работа для меня особенно ценна — совместно с министерством информации, печати и массовых коммуникаций ЛНР был издан публицистический сборник «ЛНР: Факты. События. Судьбы». Это хроника становления ЛНР, а чтобы фактаж не был слишком сухим, мы включили туда стихотворения и военные очерки наших писателей и поэтов. Все библиотеки и школы ЛНР получили эту книгу.

— Писатели и поэты ЛНР стали лауреатами литературной премии «В поисках правды и справедливости». Как Вы приняли решение участвовать в конкурсе?

— В рамках года литературы партия «Справедливая Россия» учредила литературную премию для молодых писателей по трем направлениям: «проза», «поэзия», «публицистика». В конкурсе могли принять участие кандидаты до 35 лет. В состав жюри премии вошли авторитетные в сфере культуры люди, например, литературный критик и эссеист Лев Аннинский, писатель Сергей Есин. Возглавил жюри депутат Государственной Думы, председатель партии «Справедливая Россия» Сергей Миронов. Как известно, Сергей Михайлович официально признал независимый статус ДНР и ЛНР, для нас это очень важно.

Узнав о премии, мы без раздумий решили участвовать. Я выдвинул всех четырех молодых писателей союза писателей ЛНР. И все четверо стали лауреатами премии! Как приятно нам было получить от Сергея Михайловича дипломы лауреатов премии партии «Справедливая Россия»!

— Премия «В поисках правды и справедливости» решено сделать ежегодной. Союз писателей ЛНР будет представлять новых соискателей?

— Конечно. Один кандидат у нас уже есть — наш молодой товарищ, журналист Анна Долгарева. Она родом из Санкт-Петербурга,

а когда началась война, приехала в Донбасс и стала военкором, сотрудничая с несколькими изданиями. Ее публикации чаще всего можно видеть в «Русской весне». У нее очень острые материалы из самых горячих точек. Уверен, они будут интересны жюри премии. Скажу откровенно: в нашем Союзе молодых писателей еще мало, поэтому отдельное направление нашей деятельности — работа со школами и вузами. Педагогические коллективы поддерживают нас и приглашают выступать с программами. Личное общение очень важно для воспитания молодежи. Уверен, нам удастся и найти достойных кандидатов для участия в конкурсе, и взрастить достойное поколение новых писателей и поэтов.

— Вы общаетесь с писателями и поэтами России?

— С теплотой вспоминаю, как чуть больше года назад, 8 января, в Луганск приехала большая делегация российских писателей во главе с сопредседателем Союза писателей России Геннадием Ивановым. Сергей Шаргунов, Наталья Макеева — всего около 20 человек. Несмотря на командантский час, проблемы с транспортом, более ста луганчан пришли на встречу с ними. А по возвращению в Россию они поддержали нас очерками о Донбассе. Мы всем всегда говорим: «Приезжайте, посмотрите, какие мы». Иногда в ответ слышишь: «В гробу мы всех вас видели».

— Обидные исключения. Большинство россиян Вас поддерживают.

— Поделюсь еще одним любопытным наблюдением. В прошлом году наш товарищ Александр Сигида ездил на всероссийское совещание молодых писателей в Россию, в Каменск-Уральский. Пообщавшись с молодыми писателями России, он обнаружил у них слова и мысли, распротраненные у нас до войны. Легкомысленность, потребительское отношение. Многие молодые писатели в России еще не понимают, что творчество — это не выражение себя, прежде всего. На мой взгляд, нечего еще молодым писателям самовыражать — не накопили багаж. И в результате «исключительного самовыражения» получается только самолюбование на фоне чудовищного эгоцентризма.

— Писатели и поэты Новороссии пишут в основном патриотические произведения. Это не противоречит внутренней лиричности творца?

— Напротив, это искренне, изнутри, текущая ситуация толкает писать именно гражданские стихи. Конечно, некоторые российские журналы, с которыми мы списывались, просили материалы, не связанные с войной. А мы видели столько смертей... Даже не знаем, сможем ли писать на другие темы. По крайней мере, должно пройти время.

Союз писателей ЛНР ориентирован на выбор ЛНР пути Крыма. Мы понимаем, что наша независимость крайне призрачна: даже объединившись, у ЛНР и ДНР нет достаточных ресурсов и возможностей, чтобы отстоять себя. И мы выступаем за то, чтобы интегрироваться в состав Российской Федерации. Тогда восстановится еще одна историческая справедливость. А для этого сегодня нам важно отстоять умы молодежи.

— Война разве не расставила всё на свои места?

— До войны были 23 года, которые не прошли даром, и молодежь Донбасса во многом была дезориентирована. Именно среди молодежи было больше всего тех, кто выбрал сторону Украины, кто требовал наши донбасские города сравнить с землей. Эти люди уехали, некоторые даже в армию Украины пошли, чтобы бомбить нас.

— На Ваш взгляд, почему это произошло?

— История Донбасса была целиком вычеркнута из украинских учебников. Роль Российской империи в освоении Донбасса полностью умалчивалась. Исчезли статьи о «Молодой гвардии», о Миус-фронте. Выросло

поколение, которое было уверено, что до так называемого «голодомора» в Донбассе жили одни украинцы, во время голода все они умерли, и в их дома понаехали русские. Поверьте, именно это нужно было зубрить и сдавать в школах и вузах... Союз писателей ЛНР выступил за то, чтобы составить «Литературу Донбасса». Она будет двуязычной, а среди авторов легко уживутся и русский Всеволод Гаршин, и украинскоязычный Владимир Союзора. Недавно министром образования и науки ДНР стала Валентина Ткаченко — человек

опытный, много десятилетий она руководила Луганским аграрным университетом. Ее назначение — большая удача для системы образования, поэтому я верю, что скоро мы увидим позитивные перемены. А первый замминистра образования и науки ДНР Михаил Кушаков побывал в Москве и заявил, что научный потенциал Донбасса заметно усилит Россию. По его мнению, Россия с помощью ДНР может выдать многих западных производителей своего внутреннего рынка.

Беседу вела Кристина СЛАВИНСКАЯ

Новороссийский дневник Владимира Казмина

12 марта 2016 г.

ЭТО НЕ ПРОСТО ЧУДО, А ЧУДО ЗНАКОВОЕ!

Мне прислал по электронной почте луганский поэт, член Луганской писательской организации им. В. И. Дала, Марк Некрасовский стихотворение о молитвенном подвиге отца Владимира. Читая эти строки, я вспомнил горячее и кровавое, луганское лето 2014 года. Сколько таких страшных мгновений пролетело в те дни над многострадальной землей Донбасса! Сколько слез произошло, сколько молитв и безмолвных криков взлетело к небесам, такое не забывается!

Марк НЕКРАСОВСКИЙ

***

Наш город в кольце блокады,
Нет дома вне обстрела.

По городу лунает «град».

Быют, чтоб земля горела.

И нет ни воды, ни света.

Закрываются магазины.

И в это страшное лето

Гибнет всегда невинный.

В городе треть населения —

Жизнь ведь всего дороже.

А в храм идет служенье:

Есть вера — Бог поможет.

Есть вера и на Голгофу

Идет, не боясь смерти.

Идет отмолить катастрофу

В осколочной круговерти.

А смерть его поджидала.

Взрыв, и он ей отмечен.

Но сердце еще стучало.

И был он готов к встрече.

Молил он о чуде Бога.

Милость просил, не мщенье,

Вела, чтоб к Нему дорога,

И каждый нашёл спасенье.

И голос был тише, тише.

Жизнь утекала с кровью...

Тот, кто добрей всех и выше,—

Мир наш спасал любовью.

***

В результате бомбардировки укрофашистами Луганска 31 июля 2014 года героически погиб клирик храма Божией Матери «Умиление» протоиерей Владимир Креслянский. У него осталось пятеро детей.

В 19.30, после вечерней службы отец Владимир вышел на улицу и направился домой. Был канун праздника одного из самых почитаемых на Руси святых преподобного Серафима Саровского, 1000 дней и ночей молившегося на камне. Подходя к улице Чапаева, священник вдруг увидел в небе бомбардировщик, который сбросил восемь 500-килограммовых касетных бомб (как потом выяснилось) на парашютах. Эти бомбы взрываются при подлете к земле, когда срабатывает специальный датчик.

Разорвалась первая бомба, раненый священник упал на колени и молился Господу. Совершилось чудо. Последующие касетные бомбы не сработали, а просто вошли в землю...

Когда я узнал об этом чуде, а узнал я это ещё тогда летом 2014-го, от своего двоюродного брата Владимира Погребняка, который попал в этот день также под авиационный удар, его дом находится совсем рядом с этим местом. Брату «повезло» больше, Владимир Григорьевич успел проскочить на своем мотороллере кровавый перекресток улицы Чапаева, но попал под машину. Каска вдребезги, сотрясение мозга, водитель, сбивший брата, даже не остановился...

Его увезла скорая помощь в областную больницу, когда Владимир Григорьевич пришел в сознание, он постоянно повторял только одно слово: «Батюшка, батюшка...»

Смерть догнала брата через месяц, полученная травма не оставила шансов на жизнь, его хоронили в конце августа на старом кладбище под минометным обстрелом.

Страшно представить если бы все восемь

бомб разорвались над городом, сколько было бы крови и смертей!

Одна из жительниц Луганска рассказала, что отец Владимир за 15 минут до взрыва бомбы заходил к ней домой. Священник дал женщине пояс «Живые помощи» и сказал: «Молитесь! Наденьте крест нательный!»

Вот что пишет отец Петр Пахомов по этому поводу:

«Из Луганска вернулся товарищ и рассказал такое чудо. На Луганск были сброшены на парашютах 5 (пять) авиационных 500 кг касетных бомб! Священник отец Владимир шёл после службы из храма, и в этот момент первая авиабомба взорвалась, осколки попали ему в грудь и в руку. Священник нашёл в себе силы стать на колени и молился пока спускались на парашютах другие бомбы, которые как нож в масло вошли в асфальт и в землю, и не взорвались. К сожалению, священник потом умер от потери крови прямо так же на коленях...»

Отец Владимир, будучи смертельно ранен, стоя на коленях, до последнего читал молитву, чтобы остальные касетные бомбы, спускающиеся на парашютах, не разорвались. Господь явил чудо по молитвам умирающего священника — бомбы превратились в железные болванки. Это не просто чудо, а чудо знаковое!

В центре Луганска стоит храм иконы Божией Матери «Умиление». 1 августа празднуется обретение мощей преподобного Серафима Саровского, случившееся в 1903 году. Церковный день начинается накануне с 17 часов, то есть вечером 31 июля, свой молитвенный подвиг отец Владимир совершил в сам праздник Саровского чудотворца.

Так отец Владимир сподобился кончины в день памяти преподобного Серафима Саровского и почил, стоя на коленях, так же, как много лет до этого великий святой. В 1833 году отец Серафим умер во время молитвы, стоя на коленях перед иконой Божьей Матери «Умиление» (!), положив руки на подставку и опустив на них голову.

Велика Земля Русская и Велик русский человек в духе своем непоколебимом! Царствие Небесное всем погибшим за Правду и Веру нашу православную!

P.S. Вологодским региональным отделением Союза писателей России и Вологодским отделением Литературного фонда России в августе 2014 года было принято обращение к Президенту и Правительству Российской Федерации о признании Донецкой и Луганской народных республик. «Вологодский литератор» публикует текст этого обращения.

«Мы приветствуем слова Президента Российской Федерации, сказанные перед представителями дипломатического корпуса России: «Хочу, чтобы все понимали: наша страна будет и впредь отстаивать права русских и всех людей, считающих себя русскими, и использовать для этого весь арсенал имеющихся средств, от политических и экономических, до предуготовленных в международном праве гуманитарных операций, право на самооборону».

Мы обращаемся к Президенту и Правительству Российской Федерации с просьбой о юридическом признании Донецкой и Луганской народных республик. Просим защитить население Новороссии от физического истребления киевскими властями».

НА ЗЛОБУ ДНЯ

• Окончание. Начало на 10-й стр.

ПРИМЕЧАНИЯ:

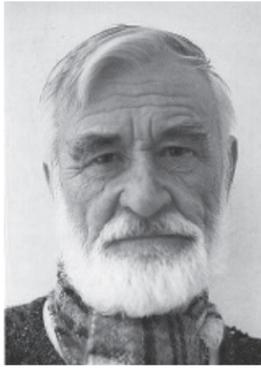
http://velib.com/read_book/dostoevskij_fedor/dnevnik_pisatelja/dnevnik_pisatelja_1876/lord_redstok_113/
Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: «Наука», Ленинградское отделение, 1989. Т. 25, с. 94.
Ф. М. Достоевский. Дневник писателя, июль — август 1877 г. http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0490.shtml
Ф. М. Достоевский. Дневник писателя, сентябрь — октябрь 1877 г. http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0500.shtml
Ф. М. Достоевский. Дневник писателя, январь — август 1877 г. http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0490.shtml
Ф. М. Достоевский. Дневник писателя, июль 1876 г. http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0480.shtml
Ф. М. Достоевский. Дневник писателя, июль — август 1877 г. http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0490.shtml
Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: «Наука», Ленинградское отделение, 1989. Т. 26, с. 78—80.

Ф. М. Достоевский. Дневник писателя, июль 1876 г. http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0480.shtml
Ф. М. Достоевский. Дневник писателя, июль — август 1876 г. http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0480.shtml
Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: «Наука», Ленинградское отделение, 1989. Т. 25, с. 22—23. Там же.
Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: «Наука», Ленинградское отделение, 1989. Т. 24, с. 63—65.
Ф. М. Достоевский. Дневник писателя, 1873 г. http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0470.shtml
Там же.
Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: «Наука», Ленинградское отделение, 1989. Т. 25, с. 81—85.
Ф. М. Достоевский. Дневник писателя, 1873 г. http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0470.shtml
Ф. М. Достоевский. Дневник писателя, 1881 г. http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0530.shtml
Ф. М. Достоевский. Дневник писателя, январь — август 1877 г. http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0490.shtml

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Алексей ВАСИЛЬЕВ

Алексей Алексеевич Васильев родился в Москве 10 марта 1933 года, но родиной считал Устюжну Вологодской области, где вырос. Учился в лесотехническом техникуме на Вологодчине, затем в Тамбовском военном училище. Служил в Советской Армии, был кадровым военным, в звании старшего лейтенанта уволен в запас. После демобилизации работал слесарем, топографом, связистом. Тамбов, Архангельск, Ковдор и алмазный Мирный, — где жил и трудился поэт в 1960–70-е годы. Первая серьезная публикация Алексея Васильева была в коллективном сборнике армейских поэтов Ленинградского военного округа «На страже». В город Мирный поэт приехал в возрасте 35 лет и в 1966 году вошел в состав литературного объединения «Кимберлит». Из его недр вышло пять членов Союза писателей. Алексей Алексеевич Васильев тоже был членом Союза писателей СССР. Публиковался в газете «Мирнинский рабочий», журналах «Полярная звезда», «Вилкойские зори». Летом 1976 года вышел его первый сборник «Кимберлит». Алексей Васильев был председателем одноименного литературного объединения и поддерживал очень многих начинающих поэтов. Последние 20 лет жизни поэт провел в доме матери на Вологодчине, в городе Устюжна. Принимал деятельное участие в жизни Вологодской писательской организации, где стоял на учете последнего дня. Скончался А. А. Васильев 21 октября 2002 года.

КОГДА КОРАБЛЬ УСТАНЕТ ПЛАВАТЬ...

Я ПЛЫЛ ВИЛЮЕМ

Я плыл Вилюем,
Сияло небо
Холодно и ярко,
Глядела в воду
Тихая тайга.
Я плыл Вилюем
В надувной байдарке,
Неслышно
Обгоняя берега.

Сквозила синь
Сквозь листья
Рыжей осени,
И выдра,
Отряхнувшись впопыхах,
Поспешно удирала
Вверх по осыпи
С трепещущей рыбиной
В зубах.

А на угорах,
Крыльями забухав
Полупудовой тяжести
Полна,
Нет-нет
Да и взрывалась
Копалуха.
Дремучая,
Как мох на валунах...

Менялись
Очертанья берегов,
Летели листья
Желтые, как осы.
Республика
Алмазов и снегов
Прокручивала снова
Кадры «Осень».

И так плылось
В соседстве
С этой тишью:
Без анекдотов,
Сплетен,
Без пальбы,
Что было,
Если вслушиваешься,
Слышно,
Как прорастают
Поздние грибы.

И жить хотелось
Благостно и просто —
Без суеты
И мелочных забот,
Закрывать глаза,
Забросить
К черту весла
И плыть,
Куда кривая приведет...

Уже давала
Знать себя усталость.
Но рядом,
Параллельно,

О бок с ней,
Во глубине меня
Мое менялось
И становилось
Чище и светлей.

* * *

Брели по скверам
Черные деревья,
Стоял апрель
В надежде и слезах,
Когда пришла
Девчонкой из деревни
Моя любовь
С хитринкою в глазах.
И увела.
Среди берез и ветел
Так невесомо
Тело на руках.
Летели дни.
Зеленый майский ветер
Уже давно
Ходил без пиджака.
Уже любовь,
Перешагнув пороги,
Вбегала в лето
Звонко и светло.
И белые березовые ноги
Манили сами
В тень березняков.
Но где-то
За пределами прогнозов,
В еще не обозначенных лесах,
Сбивались в стадо
Маленькие грозы
И близилась
Июльская гроза.
И вот однажды,
Рукава до локтя,
Приплыл неслышно,
Загорел и юн,
По озеру
На узкой легкой лодке
Высокий парень
С именем июнь.
По берегу,
По просеке,
По лугу,
По пляжно загорающим
Ногам
Он шел к тебе,
Протягивая руку.
А я тебе
Лишь сердце предлагал.
Сжимали руки
Большее богатство —
Четыре ветра,
Вольные, как жизнь...
Я понимал:
За счастье нужно драться,
Точнее —
Тоже руку предложить.
Любимая!
Пусть память не тревожит
Твоих

Когда-то очень близких глаз.
Все правильно:
Он проче и моложе,
А я на сотни лет
Мудрее вас.
Будь счастлива,
О прошлом не скорбя,
А мне опять
За песней к солнцу мчаться.
Будь счастлива.
Я потерял тебя,
Чтоб подарить тебе
Земное счастье.

* * *

Облака — изменчивые страны,
Птицы, тени, лёгкость бытия...
Всё прекрасно,
Лишь одно мне странно:
Почему был Пушкиным не я?

* * *

Здесь лунный свет перечеркнули тени,
Здесь, вжившись в холостяцкое житьё,
Лежит на койке, подогнув колени,
Большое одиночество моё...

* * *

Я старый бородатый
Добрый грешник,
И мне любви весна
Не принесёт.
Но сердце,
как пустующий скворечник,
На цыпочки пристав,
Чего-то ждёт...

* * *

Когда корабль
Устанет плавать,
Ударит случай по плечу —
И полетит Земля направо,
А я налево полечу.

А посредине неторопко
Листвой и звёздами шуруша
Пойдёт невидимую тропкой
Моя весёлая душа...

ГИМН ЖИЗНИ

Горизонт полыхает багровым огнем,
Напрягаются алые сосны.
В третий раз
За широким больничным окном
Занимается дымное солнце.
А в углу,
На казенной постели присев,
Воскресая из траурной ночи,
Третьи сутки уже умирает сосед
И никак
Умирать не хочет.

А весна за окном, распушив тополя,
Гонит реками синие льдины...
Третьи сутки
В глазах умирает Земля,
Голубое лицо запрокинув.

А врачи...
А врачи, как иконы, — молчат.
Может, чудо какое стряется?
И уходят по тоненькой нитке луча
Удивительно тихие сестры.
Но Земля, как и прежде, скрипит на оси,
И, как прежде, воркуют голуби.
И мальчишки, и шины, и тропки в грязи,
И сирени пока еще голые.
Исполать тебе, жизнь!
Отрешившись от мер,
Поверяющих музыку хлебом,
Понимая, что жизнь —
Это все-таки смерть,
Никогда не расстанешься с небом.
И врывается день оглашенного роста,
Подпирая высокий полет облаков.
И увидишь сквозь даль
Не кресты на погостах,
А горластых,
Сидящих на них петухов.

* * *

Г. Окуловой

Ветер с корнем вырывал деревья,
Завывал неистово в трубе.
Два шпиона (из одной деревни)
Пробирались в точки А и Б.

В полночь за околицей, где баня
Третий год сползает под обрыв,
Стукнулись они друг с другом лбами,
Породив при этом страшный взрыв.

И пошли под небо кувыркаться,
Сравнивая тот и этот свет.
...И на кой в шпионы наниматься,
Если возле бани света нет?!

* * *

Не всяким первым выйдет орден,
Не всем последним в спину мат,
Но первых часто бьют по морде,
А задних часто бьют под зад.

Чтоб уберечь фасад и спину
Товарищ юркнул в середину
И возмущается, что тут
Его посредственным зовут.

* * *

Нине Головиной

Не каждому дано за горизонт смотреть,
Пить снежное вино
и гимны солнцу петь,
На нервах тонких жил,
забравшись в вышину,
Небрежно положить под голову луну,
А утром выключать неверный
звёздный свет
И женщину искать, которой в мире нет.

* * *

Приемля жизнь какой дана,
Тщету и суету её приемля,
Высаживаешь стёкла из окна,
Взлетаешь ввысь
И сверху видишь Землю!
Летишь...
Но связь с землёй не разорвать
И падаешь в холодную кровать...
Разбиты окна...
Бродят сквозняки...
Вставлять стекло?
Но не поднять руки:
Противно думать о земном себе,
Ведь был к небесной приобщён судьбе...

* * *

Поглядишь на себя
Из мышиной норы
И покажешься сам себе
Выше горы.

Поглядишь на себя
С поднебесной горы
И покажешься
Меньше мышиной норы.

Очень непросто
Знать, какого ты роста.

* * *

Н. Смирновой

Мне февраль дорогу заметил,
Ночевать в заимке довелось.
Женщины в избе при свечке пели
Светлое и русское до слёз.

Может, им не пелось, а молилось,
На огонь оплавленный дыша,
Только вдруг взяла и отделилась,
К песне потянувшись, отделилась,
Крыльями взмахнув, моя душа.

Объяснил мне позже умный критик,
Что, поскольку глазом не видна,
Нет её, души, но как не быть ей,
Если в человеке есть она!

По земле гуляет снежный ветер,
Над землёю ходят облака,
И живёт душа на белом свете
Не коротких век,
А на века.